

Эльхан Аскеров

Бастарды

«Лениздат»

2008

Аскеров Э.

Бастарды / Э. Аскеров — «Лениздат», 2008

Сменяются века и эпохи, правители и короли, но отношения между людьми остаются прежними. И что делать, если ты оказался один против целого мира, в котором слишком много тех, кому ты неприятен только потому, что ты не такой, как все? Если положиться ты можешь только на свой меч и на верных данному слову стариков. И пусть ты великий воин, но без друзей, ты все равно один. И найдутся люди, которые встанут с тобой плечом к плечу, чтобы вместе встретить опасность и защитить место, ставшее их домом только потому, что ты был честен с ними и справедлив.

© Аскеров Э., 2008

© Лениздат, 2008

Эльхан Аскеров

Бастарды

*...Мой яростный блеск, когда ты блестяшь, это – мои дела,
Мой радостный звон, когда ты звенишь,
это – моя хвала,
Живой, я живые тела крушу;
стальной, ты крушишь металл,
И значит, против своей родни
каждый из нас восстал!*

*БАСТАРД (нем. Bastard от ст. фр. – биолог. устар.) – помесь двух
различных пород или видов животных.*

...Закатное солнце окрасило осеннюю степь в розовый цвет, придав всему находящемуся на нем оттенок крови. Они стояли на холме, глядя на учиненное ими побоище сквозь пелену, застилавшую глаза. Он и меч. Он, полукровка, не признанный ни благородными, ни плебеями, и меч, созданный под стать ему сумасшедшим кузнецом, длиной больше одноручного, но меньше двуручного. Оба, не принятые и непризнанные, они смотрели на поле боя, понимая, что это далеко не последняя их битва...

* * *

Дворец сатрапа располагался на южном побережье внутреннего моря. Омываемый с одной стороны морскими волнами, разбивающимися об огромные гранитные валуны и окруженный глубоким рвом, он казался неприступным. Мощные стены возвышались надо рвом, соединенным с морем. Попасть на территорию дворца можно было только по подъемному мосту, опускавшемуся каждое утро.

Кортес, город-государство, каких было множество в те незапамятные времена, официально входил в состав золотой империи и управлялся сатрапом, назначаемым императором. Но на самом деле империя давно уже только называлась золотой.

Сатрапы превратились в династию, управлявшую городом на протяжении многих десятилетий. От зависимости осталась одна видимость, выражавшаяся только в нерегулярных выплатах налогов, которые направлялись в столицу только после многократного напоминания. Но у императоров, сменявшихся на троне с непредсказуемой частотой, и регулярностью не доходили до сатрапии руки. Слишком много сил и времени отнимали дворцовые интриги. Только звание да еще герб над старыми, потрескавшимися воротами подтверждали, что это территория империи.

Сам сатрап, мужчина сорока пяти лет, располневший до неприличия от спокойной жизни и забывший, с какой стороны берутся за меч, страдал хорошо известным всем богачам недугом, от которого свет становится немил. Пресыщенностью.

Его не интересовали дела сатрапии, не развлекала охота и гон, не радовали юные наложницы. Ему было скучно. Вот уже месяц все придворные ходили по коридорам дворца на цыпочках, говорили шепотом и боялись попасть сатрапу на глаза. Не раз случалось, что попавшийся не вовремя на глаза придворный заканчивал свои дни на арене гладиаторов, обвиненный в государственной измене.

Воля и желание сатрапа – закон, и не сумевший выполнить повеление владыки, сразу становился предателем. Исключением были только гвардейцы личной охраны. Сатрап, хоть и

пресыщенный, дураком не был и хорошо понимал, что значит лишиться верности этих суровых, сильных воинов.

Можно было сколько угодно издеваться над придворными лизоблюдами, но не стоило трогать родню гвардейцев. Только это и мирило их с самодурством и неуравновешенностью правителя. Одним дармоедом больше, одним меньше, это их мало беспокоило. Сатрап щедро платил за верность и не трогал их родственников, этого было достаточно.

Личную гвардию набирали из лучших мечников армии, отличившихся в бою. На происхождение внимания не обращали, главное, чтобы претендент был опытным бойцом и верным воином, в любом случае при нападении на правителя плебеи умирали точно так же, как и благородные. Именно это безразличие и привлекало бойцов на службу.

Между собой гвардейцы называли хана Башибоза, ханом Тамбялбозом, что в переводе с одного восточного языка означало «ленивая голова». Так метко назвал его один посол, прибывший в город для заключения торгового договора. Но на свою неудачу, он попал в период скуки сатрапа. Промаявшись и впустую прождав в приемном диване почти полгода, он так и уехал ни с чем, напоследок наградив сатрапа метким прозвищем.

Гвардейцы тут же подхватили его, и оно прочно закрепилось в разговорной речи воинов. Охрана дворца была поставлена по высшему разряду только благодаря стараниям капитана гвардии, старого вояки, добившегося этого звания своим потом, кровью и талантом. Капитан Расул охранял еще деда Тамбялбоза, продолжая служить его отцу и, наконец, ему самому.

Дед сатрапа был воином и погиб, как настоящий воин, в бою, с мечом в руке. Отец закончил свои дни в объятиях наложницы, перебрав крепкого вина. И теперь сам сатрап уверенно двигался по тому же пути.

Седой ветеран многое повидал на своем веку, не раз спасая сатрапов от кинжалов, стрел и яда, подосланных асасинов, наемных убийц, способных уничтожить все живое. Им было все равно, кого убивать, лишь бы платили.

Много рассказов ходило об этих парнях, но правды не знал никто. Знали только, что они готовы убивать в любое время дня и ночи, и объект убийства может быть какой угодно. Женщина, мужчина, ребенок, животное – им было все равно. Пощады они не знали. Говорили, что они убивают во имя своего бога. Какого именно, никто толком не мог сказать, болтали только, что у этого бога шесть рук и в каждой он сжимает какое-то орудие убийства. Да и какая разница, как зовут это чудище, главное, что о них знали и боялись. А страх они умели внушать.

За много лет службы, изучив коридоры дворца наизусть, капитан Расул смог поставить службу так, что воины, стоявшие на часах, контролировали друг друга, не оставляя злоумышленнику ни одного шанса пробраться незамеченным.

Сатрапа охраняли круглосуточно, но караул у него за спиной был не главное. Воины незаметно прятались в самых неожиданных местах и наблюдали за сатрапом, не попадаясь ему на глаза.

Дни сменялись неделями и месяцами, а меланхолия сатрапа продолжалась. Во дворце царило уныние, и придворные не решались попадаться ему на глаза. Только Расул мог смело войти в покои властелина, имея на это все привилегии. Его голова была неприкосновенной.

Старый Расул был любим гвардейцами и, тронув его, сатрап мог и сам лишиться головы. Понимая, что более преданного пса ему не найти, сатрап молча мирился с таким положением дел, в глубине души мечтая о том времени, когда сможет назначить ему замену по своему усмотрению. Сатрапа бесило, что, будучи в его подчинении, капитан тем не менее был независим от его приказов. Он приходил на службу, когда считал нужным, и исчезал, не ставя сатрапа в известность. Только специальный посыльный всегда точно знал, где можно найти командира личной охраны. Именно эта независимость капитана и делала его столь явным объектом ненависти властелина.

Ему, сатрапу Кортеса, смел не докладывать простой капитан. Приходить, когда вздумается, и уходить, не спросив разрешения. Это было слишком. Но так было заведено еще при пращуре Тамбьялбоза, когда на сатрапа совершались покушения почти ежедневно, и продолжалось до сих пор. Властолюбивому сатрапу такое положение вещей было как кинжал в филейную часть, но поделаться с этим он ничего не мог.

Но гвардейцы были особой кастой, со своими законами и устоями, и сменить капитана охраны было не так просто. Новый капитан, не сумевший заслужить уважение всех гвардейцев, мог запросто погибнуть в первом же бою, оставив своего повелителя беззащитным. А мог и не дожить до своего первого боя. Ведь гвардейцы владели любым оружием, и инсценировать неудачное нападение им ничего не стоило.

Такие соображения не улучшали настроения сатрапа, но и не позволяли ему отправить кого-то из воинов в гладиаторские казармы, хотя это было очень заманчиво, ведь гвардейцы были лучшими бойцами сатрапии.

* * *

Это случилось в середине лета, когда солнце, казалось, прокалило весь город насквозь. Камни нагревались за день до такой степени, что к ним невозможно было прикоснуться. Разморенные жарой и духотой, люди прятались в домах или под навесами, пытались найти хоть какую-то прохладу в тени.

Старый Расул вошел в личные покои сатрапа, как всегда, без доклада, и внутренне поморщился от окружавшей его кричащей роскоши. Золото и парча, драгоценности и шелк. Даже любимая плетть сатрапа выглядела драгоценной игрушкой, а не орудием наказания. Оглядевшись, он заметил повелителя стоящим у окна, с кислой миной рассматривающего плещущихся в фонтане наложниц, и хотя зрелище это было достойно самого пристального внимания, даже оно не могло развеять скуку сатрапа. Скучающий владыка наблюдал за девушками, заложив большие пальцы рук за широкий парчовый кушак и зябко кутаясь в изумрудный халат, расшитый летящими золотыми цаплями.

– Мой господин, в город прибыл невольничий караван.

– Ну и что? – спросил сатрап голосом, от которого могло скиснуть даже свежее молоко.

– Я подумал, вам будет это интересно. Там есть воины с севера, девушки с юга и еще много чего интересного. Я велел караван-баши подготовить невольников. Он будет ждать вас и не начнет торг, пока вы не взглянете на них сами. Ваш взгляд должен быть первым. Надеюсь, это хоть немного развлечет вас.

– С чего ты взял, что это может меня развлечь? – заинтересованно обернулся сатрап. – Разве я торгую рабами?

– Нет, мой господин, но вы разбираетесь в воинах и можете выбрать себе фаворита на следующие бои. Вы разбираетесь в женщинах и можете выбрать себе новую прелестницу на ночь.

– Этого добра у меня и так больше, чем нужно.

– Да, но это все женщины, которых вам или подарили, или привезли как залог добрых намерений, короче, так или иначе навязанные. Я же предлагаю вам выбрать самому. Лично. Иногда это бывает приятно и интересно.

– Ты думаешь? – задумчиво протянул сатрап.

– Да, господин. Вы сможете выбрать то, что понравится именно вам. Это будет ваш выбор, проявление вашей воли, а это всегда интересно.

– Согласен. Старый хитрец, ты знаешь, как заинтересовать своего господина.

Заинтригованный властитель хлопнул в ладоши, и слуги заметались, стараясь угодить повелителю. Никому не хотелось окончить свою жизнь в клетке с дикими зверями. Такое уже не раз случалось. Сатрап был скор на расправу и не любил долго ждать.

Старый Расул, зная своего повелителя с детских лет, все рассчитал верно. Не сомневаясь в успехе, он приказал установить на торговой площади шелковый навес, застелить пол коврами и приготовить все для долгого развлечения.

Предупрежденный заранее караван-баши, быстро убрал стариков, ремесленников и больных. Девушек и воинов отмыли от походной пыли, приделали и даже умастили тела. Они должны были показаться перед сатрапом в самом выгодном свете.

Рядом с навесом для владыки усадили музыкантов, на случай, если сатрапу вздумается проверить, как невольники умеют петь и танцевать. Эта мера была не лишней. Во многих странах бедняки, не имевшие возможности прокормить много детей, продавали их в школы, где девочек обучали различным искусствам, а мальчиков делали вышколенными слугами. Это тоже была жизнь. Иногда намного лучше, чем та, которую влачили вольные.

Дождавшись, когда жара немного спадет, сатрап приказал подать паланкин и, нетерпеливо ворча, отправился на рынок. Паланкин несли шесть пар специально обученных рабов, шагавших в ногу и плавно пружинивших плечами, чтобы, не привести боги, случайно не качнуть венценосного лентяя. Гвардейцы заранее очистили улицы от плебеев, осмотрев все крыши и ближайшие улочки.

Носильщики быстро вынесли властелина на центральную площадь Кортеса и остановились у навеса. В народе это место называли Площадь разных смертей. Во времена отца Тамбальбоза на площади регулярно казнили воров, разбойников и тех, кому довелось вызвать неудовольствие сатрапа подобными подвигами. Спустившись на ковер, сатрап обвел взглядом собравшуюся толпу и брезгливо поморщился.

– Расул, что здесь делают плебеи?

– Пришли взглянуть на тебя, господин. Ты давно не появлялся перед своими подданными, в народе пошли слухи, что ты болеешь. Я потому и уговорил тебя прибыть на площадь, чтобы пресечь подобные мысли.

– Ты мудр, старик. Я ценю это, – важно проговорил сатрап.

– Я служу своему повелителю, – ответил старый воин словами из присяги, медленно склонив голову. Эта манера капитана держаться с повелителями, как с равными, всегда раздражала сатрапа, но он мирился и с этим. Лучшего капитана гвардии ему все равно было не найти.

Усевшись в приготовленное кресло, сатрап сделал знак начинать. Расул повернулся к дворцовому распорядителю, и тот подвел к креслу караван-баши. Звонким, хорошо поставленным голосом распорядитель представил согнувшегося в раболепном поклоне торговца:

– Мой господин, позволь представить тебе почтенного купца Нияза, одного из лучших караван-баши, известного своей честностью и знанием караванных путей.

Сатрап милостиво кивнул и обратился к купцу, продолжавшему стоять согнувшись:

– Ну, покажи нам, любезный, что ты привез нам на этот раз?

Купец согнулся еще ниже и заискивающе пробормотал:

– Повелитель, скажи, что тебя интересует? Боги были милостивы ко мне, и я привез много всего. Хочешь, ткани для тебя и твоих красавиц, хочешь, украшения, драгоценности, невольники, что тебя интересует? Только прикажи!

Это тоже была своеобразная игра, без которой не обходился ни один показ. Нияз был купцом, и ему прощалась подобная вольность. Иногда, заинтересовавшись, сатрап приобретал не только рабов, но и камни. Было бы намного хуже, если бы купец попытался что-то не упомянуть. Узнавший об этом сатрап мог запретить торговлю, и тогда ему пришлось бы срочно убираться в пустыню, чтобы не сплясать под перекладной. Так в просторечье называли казнь через повешение.

Но на этот раз сатрапа интересовали только невольники. Первыми вывели мужчин. Отобранные специально для такого случая, они стояли в одних набедренных повязках, показывая свое сложение и здоровье.

Внимание сатрапа привлек молодой невольник с прекрасно развитым торсом и длинными ногами. Присмотревшись повнимательнее, сатрап указал на него Расулу.

– Что скажешь? Как тебе этот воин?

– Он бесспорно хорош, господин. Но слишком неопытен, – задумчиво протянул воин.

– Как ты его достал? – обратился он к купцу.

– Мне привели его после набега пиратов. Попал в плен, – быстро ответил купец.

– А кого бы ты выбрал, а, Расул? – заинтересованно спросил сатрап.

– Вон того, со шрамом. Опытный воин, явно не раз побывал в переделках, но раз жив, значит, умеет постоять за себя.

– У тебя зоркий глаз, капитан, а годы не смогли притупить твоего острого ума, – поклонился купец. – Ты выбрал лучшего. Это известный разбойник и пират, наводивший ужас на все побережье внутреннего моря. Каперам империи удалось схватить его только после того, как за его голову была назначена большая награда.

– И насколько большая? – быстро спросил сатрап.

– Тысячу золотых.

– Это серьезная цена. Что ж, пожалуй, я послушаю твоего совета и возьму обоих, – мило-стиво кивнул сатрап, делая знак казначею.

Купленных увели, и настала пора девушек. Купец выводил их по одной, рассказывая о достоинствах и недостатках каждой. У сатрапа разбежались глаза. Здесь было, на что посмотреть. Девушки, закутанные только в прозрачный газ, не скрывавший ничего из их прелестей, казались совершенством.

Расул пришел на помощь растерявшемуся владыке, приказав отводить в сторону особо приглянувшихся сатрапу прелестниц. Перебрав всех, он приказал еще раз показать избранных, на этот раз отсеивая еще строже. Так повторялось раз за разом, пока наконец не осталось только три, но самых лучших.

Первая была продана школой, умела петь, танцевать, и поддерживать беседу. Но эта была девушка из привычной среды. Смуглая, черноволосая, каких в гареме сатрапа было множество. Вторая, высокая, гибкая, как лоза, с длинными белыми волосами и удивительно светлыми, голубыми глазами, была дикаркой, привезенной из далекой северной страны. И, наконец, последняя. Девушка с далекого юга, с кожей цвета эбенового дерева, влажными кроткими черными, как ночь, глазами и шапкой мелко завитых густых волос.

Сатрап долго переводил взгляд с одной на другую, не решаясь сделать выбор. И та и другая были большой редкостью в этих местах, и ему хотелось оставить обеих. Заметив интерес властелина, Расул сделал купцу знак увести третью и, наклонившись к сатрапу, тихо прошептал:

– Я вижу, тебе интересны обе, повелитель. Бери, ты не пожалеешь. Это необъезженные лошадки, но в этом есть особая прелесть.

Купец, сообразивший, что сатрап заинтересован, решил подстраховаться.

– Повелитель, эти девушки попали ко мне недавно и я почти ничего о них не знаю. Ту и другую привезли перед самым выходом. Они не говорят на нашем языке, поэтому я ничего не могу сказать. Знаю только, что светлая очень строптивая. Дважды пыталась бежать.

– Думаю, нам удастся найти с ними общий язык, – усмехнулся Расул и шагнул к невольницам. Помолчав, словно собираясь с мыслями, он неожиданно заговорил на странном, гор-танном языке.

Услышав знакомую речь, беловолосая вздрогнула и, удивленно посмотрев на капитана, быстро ответила. Расул говорил медленно, с трудом подбирая слова, было заметно, что старик вспоминает давно забытую речь. Выслушав ответ девушки, он кивнул и повернулся к другой.

Снова зазвучали странные слова, и, к удивлению всех, девушка ответила. Их диалог продолжался также недолго, после чего Расул вернулся под навес.

– Откуда ты знаешь эти дикарские наречия? – удивленно спросил сатрап.

– Твой дед, повелитель, недаром прослыл знаменитым воином. Под его началом был отряд наемников. Псы войны. Люди из разных стран, но отличные воины. Мне приходилось общаться с ними. Там я и научился их языкам.

– И что ты сказал им?

– Что у них есть выбор, или покориться тебе, повелитель, или стать шлюхами в дешевом борделе и отдаваться всем подряд, до самой смерти.

– И что они ответили?

– Что лучше один, чем позорная жизнь.

– Хорошо. Потом ты расспросишь их подробнее.

– Как прикажешь, повелитель.

Купец понял, что выбор сделан и молча направился к казначею. Для самого сатрапа день начался удачно. Заинтересованный своими приобретениями, он всю дорогу до дворца с довольным видом подкручивал ус и даже пытался что-то напевать. Настроение его заметно улучшилось. Сатрап даже соизволил проявить вялое любопытство в отношении дел сатрапии и, подписав несколько указов, отправился в свои покои, приказав вызвать капитана гвардии.

Расул, успевший отдать распоряжения гвардейцам, примчался во дворец еще до приезда владыки и теперь при помощи громового голоса и длинной плети из сыромятной кожи наводил порядок во дворце.

Слуги металась по коридорам, стараясь успеть сделать все до возвращения сатрапа. Зная его перепады настроения, они не жалели сил, понимая, что вслед за недовольством может последовать наказание.

Передав новых рабов слугам и евнухам, Расул направился в покои владыки. У дверей, внимательно осмотрев стоящих в карауле гвардейцев, капитан довольно кивнул и толкнул створку. Его встретил довольный голос сатрапа.

– А, Расул! Я давно уже жду тебя.

– Простите, господин, что заставил вас ждать, но слуга нашел меня только на конюшнях. Я сразу поспешил к вам. К сожалению, я уже не в том возрасте, когда мог двигаться в два раза быстрее, – склонил голову Расул.

– Ничего. Я прощаю тебя, старик. Ты в очередной раз доказал свою верность, сумев развеять мою скуку. Как мои новинки?

– Я передал их слугам, господин. Думаю, что к вечеру ты сможешь убедиться в качестве своих приобретений.

– Так долго?

– Они долго были в пути, господин. Позволь им привести себя в порядок и отдохнуть, а затем ты сможешь с полным правом использовать их по своему усмотрению.

– Хорошо, старик. Ты, как всегда, прав. Я подожду. Но учти. Я хочу знать о них все, и за это ты отвечаешь мне головой.

– Я сделаю все, что в моих силах, господин, – склонил голову Расул, автоматически положив ладонь на рукоять кинжала.

Этот жест не укрылся от взгляда правителя. Досадливо закусив губу, сатрап поморщился, понимая, что допустил ошибку. Капитан гвардии был не тем человеком, которого можно было напугать. Сатрап знал, что его голова держится на плечах только благодаря Расулу, и если перед гвардейцами встанет выбор: он или капитан, то решение солдат ему очень не понравится.

Сделав вид, что не заметил движения капитана, сатрап жестом отпустил его и отвернулся к окну. Досада на свой промах и злость на старого телохранителя наполнили сердце владыки горечью. Он злился. Злился на себя, на капитана, на наложниц, беззаботно плещущихся в фонтане, на слуг, на весь свет. Эта злоба не находила выхода и сжигала его, как огонь сжигает кусок старого пергамента.

Побродив по пустующим покоям, сатрап вызвал слугу и приказал подать обед, затем, придравшись к какой-то мелочи, велел всыпать бедняге десяток плетей. Этот акт монаршей милости немного вернул ему благодушное расположение духа.

С удовольствием пообедав, сатрап велел приготовить термы и прислать туда новых наложниц. Он не собирался больше откладывать знакомство с ними. Переводчиком должен был стать Расул. То, что капитан должен будет стоять и молча наблюдать за развлечениями своего повелителя, приводило сатрапа в возбуждение.

Несмотря на возраст, Расул был здоровым, полноценным мужчиной, и созерцание красивых женских тел вкупе с неудовлетворенностью, должно было заставить его потерять свою обычную невозмутимость.

Такая изощренная месть привела сатрапа в восторг. Предвкушая, как заставит капитана заикаться и потеть от возбуждения, сатрап направился в термы, радостно потирая руки. Его сопровождали слуги, банщики и евнухи, готовые выполнить любое желание повелителя.

Раздевшись, сатрап медленно погрузился в бассейн с теплой водой и, закрыв глаза, несколько минут блаженствовал, позволив себе расслабить мышцы, давно уже отвыкшие от физических нагрузок.

Еще раз обдумав весь придуманный спектакль, он медленно открыл глаза и, обведя взглядом слуг, приказал ввести наложниц. Девушек уже отмыли, накормили и переодели, заставив уложить волосы и привести в порядок ногти.

Евнухи ввели в термы девушек и, поставив их у стены, приготовились к дальнейшим действиям. Внимательно посмотрев на новеньких, сатрап усмехнулся и приказал:

– Разденьтесь.

Девушки недоуменно переглянулись и замерли, не понимая, что от них требуется. Притворно вздохнув, сатрап оглянулся и, разведя руками, сказал:

– Жаль, но придется вызвать капитана Расула. Они не понимают меня, а я не понимаю их. Расул знает их язык. Пригласите его.

Слуга помчался выполнять приказ, в душе сочувствуя капитану. Услышав приказ сатрапа, Расул скрипнул зубами и, отстегнув от пояса меч, кивнул. Это не было для него новостью. Старик ожидал чего-то подобного, но не думал, что сатрап додумается до такой пакости.

Внутренне кипя от злости, капитан направился в термы. Сатрап уже отправил всех слуг, оставив в термах только двух евнухов, служивших в гареме. Переступив порог, Расул моментально оценил обстановку и молча поклонился владыке.

– Я рад, что ты нашел время прийти, старик, – улыбнулся сатрап.

– Я слуга своего господина, – ответил капитан нейтральным тоном.

– Переведи им, что я хочу, чтобы они разделись и спустились в бассейн. Объясни также, что они моя собственность и от их повиновения зависит их жизнь. Начинай.

Поклонившись, Расул повернулся к девушкам, глаза которых радостно вспыхнули, стоило ему переступить порог. Собравшись с мыслями, Расул начал перевод. Услышав, что от них требуется, девушки молча скинули одежду и медленно сошли в воду.

Капитан перевел взгляд на евнухов. Оба кастрата стояли с каменными лицами, равнодушно скользя глазами по обнаженным телам девушек. Расул опустил глаза и напустил на себя сосредоточенный вид.

– О чем ты думаешь, старик? – одернул его сатрап.

– Вспоминаю слова из их языков, господин. Я довольно давно не говорил и боюсь, что не смогу сразу перевести твоё пожелание.

– Ты сможешь. Я не сомневаюсь в твоих талантах, старик. Просто следи, чтобы они не пытались навязать мне отсебятину.

– Для этого я слишком плохо знаю ваши вкусы, господин. Пусть евнухи следят за ними, а я буду переводить.

– Я приказываю тебе, старик, – резко ответил сатрап. – Что могут знать о мужских удовольствиях эти бесполое? – он тут же постарался смягчить свою резкость.

– Как прикажете, господин, – ровно ответил Расул и устремил на сатрапа прямой, цепкий взгляд, словно целясь в него из арбалета.

Сатрап, привыкший, что наложницы сами выполняют за него всю работу, вынужден был отвлечься от капитана и начать управлять действиями девушек. Стараясь не прибегать к переводу, он управлял ими при помощи жестов, но внимательный, прямой взгляд капитана отвлек его, сбивая с настроя и портя все удовольствие.

Кое-как справившись с делом, сатрап раздраженно оттолкнул девушек. Ещё немного – и он бы опозорился. Уронить свою честь, оказавшись ни на что не способным как мужчина, да ещё и при человеке, которого он хотел унижить. Это было слишком.

Вожделение пропало. Убедившись, что капитан сдержан и спокоен, как каменный истукан, сатрап вылез из бассейна и, раздраженно одевшись, молча ушел. Чуть усмехнувшись, Расул вышел из терм и направился к себе. Этот эпизод навел капитана на мысль, что расположение сильных мира сего ничего не стоит. Обдумывая свои дальнейшие действия, Расул шел по коридору, не обращая внимания на снующих вокруг слуг.

* * *

С того памятного для всех дня прошло почти десять лет. Отставной капитан Расул медленно шел по базару, привычно оглядывая толпу. Седой как лунь, разменявший восьмой десяток, но все ещё прямой и быстрый, он оставался одним из самых опасных бойцов сатрапии. Опыт, знания, сила давали ему преимущество практически перед любым противником. Единственное, о чем сожалел старик, это отсутствие сына, которому он мог бы передать свои знания.

Такие мысли все чаще посещали старика, заставляя его жалеть о годах, проведенных в служении трем поколениям сатрапов Кортеса. Когда-то и у него была семья. Но черная оспа унесла всех. Жену, дочь и даже старуху мать. С тех пор капитан отдал всего себя службе. Казармы стали его домом, солдаты – семьей. Но прошло время, наступила отставка, и старый капитан стал не нужен.

Расул никогда не думал, что доживет до такого времени, но это случилось. И вот теперь он шел по базару, один, старый и не нужный никому. Просто старик, который прожил достаточно долго, чтобы уйти со службы, и достаточно опытный, чтобы дожить до этого дня.

Неожиданно внимание старика привлекли крики мальчишек и ропот собравшейся вокруг толпы. Бесцеремонно расталкивая зевак, старик прошел в первый ряд и присмотрелся.

У стены, окруженный группой подростков, стоял мальчик. Сжимая в руках увесистую дубину, он затравленно оглядывался, ища выход из толпы. Окровавленный подбородок и разорванная на плече рубаха ясно говорили о той схватке, что пришлось выдержать юному бойцу. Добротные штаны были перепачканы уличной грязью, а завязки легких сандалий порваны. На него, размахивая руками и брызжа слюной, наступал какой-то толстяк. Подростки, получившие такую весомую поддержку, не задумываясь, швыряли в стоящего камнями и поливали отборной площадной бранью.

Неожиданно мальчишка бросился вперед и, ловко орудуя дубиной, разметал мальчишек в стороны. Присмотревшись, Расул неожиданно понял, что парнишка применяет фехтоваль-

ные приемы, которым обучают гвардейцев. Ему явно не хватало опыта и практики боя, но это были именно те приемы.

Шагнув вперед, Расул схватил толстяка за руку и, отшвырнув в сторону, гаркнул во всю силу своих командирских легких:

– Что здесь происходит?! – Его рев перекрыл шум толпы, и люди притихли от неожиданности.

– Кем ты себя возомнил, старик?! – завопил в ответ толстяк.

– Заткнись, мразь! – рявкнул в ответ Расул и обернулся к толпе, положив руку на меч.

– Кто мне ответит, что здесь происходит? – повторил он вопрос.

Словно в ответ на его вопрос в толпе появились стражники. Расталкивая толпу древками копий, они быстро прошли в середину толпы. Расул взглянул на десятника. Что-то знакомое показалось ему в лице этого немолодого солдата.

Быстро осмотревшись, десятник жестом подозвал одного из мальчишек.

– Опять за свое, сопляк? – спросил он, взяв паренька за подбородок жесткими пальцами.

– Я не виноват, господин десятник. Он опять пришел на нашу территорию, – заныл парень.

– Какую это вашу территорию? – резко спросил десятник.

– Да оставьте вы мальчишку! – взвыл толстяк. – Лучше разберитесь с этим стариком. Он напал на меня.

Десятник обернулся и минуту внимательно всматривался в лицо старого капитана. Затем, повернувшись, с размаху припечатал увесистый кулак, и тот рухнул в пыль.

– За что?

– Ты хоть знаешь, на кого открываешь свой поганый рот?! – гневно спросил десятник. – Это капитан Расул! Радуйся, мразь, что вообще остался жив, – продолжил он, добавив еще один удар сапогом по ребрам.

Толпа оживленно зашептала, а десятник подошел к старику, четко печата шаг и не доходя положенных трех шагов, отдал салют. Старик отсалютовал в ответ и, кивнув, проговорил:

– Спасибо, десятник, но я давно уже в отставке. Не стоит обращаться ко мне так официально.

– Извините, капитан. Но я не знаю, как еще можно обратиться к человеку, ставшему живой легендой государства.

– Я знаю, что сталкивался с вами, но не помню где, – продолжил старик.

– Вы обучали меня, еще будучи сотником, капитан. Я тогда был зеленым новобранцем.

– Что ж, я рад, что моя наука пошла вам на пользу.

– Да, капитан. Именно благодаря вам я еще жив и дослужился до десятника.

– Хорошо. Тогда, может, вы мне объясните, что здесь происходит?

– Конечно, капитан. Пойдемте. По пути я расскажу вам все.

Кивнув, Расул жестом подозвал к себе маленького бойца и, положив ему руку на плечо, направился к выходу с базара. Стражники, непроизвольно подтянувшиеся при имени легендарного капитана, молча принялись разгонять толпу.

Десятник шел рядом с Расулом, забавно морща лоб и не зная, с чего начать. Взглянув на десятника, Расул понял его мучения и предложил:

– Начните с самого начала, десятник. Так будет проще.

Благодарно кивнув, тот вздохнул и начал рассказ.

– Этот парнишка – бастард. Он рожден наложницей нашего сатрапа. Рабыней с севера. Но ребенок от рабыни не может быть ни наследником, ни благородным. Кроме того, он полукровка. Об этом узнали. Его пристроили к канцелярии дворца и посылают с разными поручениями. А уличные мальчишки, науськанные такими, как этот жирный боров, постоянно тра-

вят мальчика. Он где-то выучился здорово драться, и теперь каждая стычка обходится им очень дорого.

Расул молча кивнул.

– Я понял, о чем речь. Спасибо, десятник. Я подумаю, что можно сделать.

– Это было бы здорово, капитан. Парнишка хороший, но ему не повезло.

– Это верно, – задумчиво ответил Расул. Ему уже пришла в голову мысль, которую он упорно пытался сформировать. Затем, повернувшись к мальчику, тихо спросил:

– Где ты выучил эти приемы.

– Какие приемы? – деланно изумился мальчик.

– Не надо, парень. Даже в твоём исполнении я узнал эти движения. Я сам учил своих парней много лет этим стойкам и переходам, так что лучше говори правду.

– Вы, правда, тот самый капитан Расул? – настороженно спросил мальчик.

– Он самый, парень. Настоящий.

– Я подсматриваю за гвардейцами, когда они тренируются.

– Зачем тебе это?

– Мне нравится. Я хочу стать воином.

Расул молча кивнул и, отвернувшись, медленно пошел по улице. Мальчик осторожно двинулся следом, пытаясь понять, о чем думает старик. Потом, решившись, быстро догнал старика и, ухватив его за рукав, страстно заговорил:

– Капитан! Научите меня сражаться! Будьте моим учителем, пожалуйста!

– Ты действительно этого хочешь?

– Да, господин.

– Не называй меня господином.

– А как?

– Капитан, мастер, учитель, если хочешь, но не господин. Ты понял?

– Да, мастер, – кивнул мальчик, не сводя глаз с лица старика.

– Мне нужно получить разрешение твоего владыки. Никто не может отменить его решение. Тебе придется подождать. Это недолго, но придется.

– Хорошо, мастер. Я буду ждать, сколько потребуется, – очень серьезно ответил мальчик и церемонно поклонившись, направился в сторону дворца.

Расул долго стоял на мостовой, глядя вслед юному мужчине. Он чувствовал в этом малыше силу. Силу, которую безуспешно искал во многих учениках и которую никак не мог найти. Это было именно то, что позволяло подростку, юноше, мужчине стать истинным бойцом. Воином, равных которому практически нет.

Вернувшись домой, Расул вызвал старого слугу и, приказав подать свой парадный мундир, направился в термы. Через два часа он твердым шагом проходил по коридорам дворца, сдержанно кивая на приветствия караульных и лстивые улыбки придворных.

Впервые за много лет Расул шел просить. Просить о снисхождении. Это было тяжело, но необходимо. Он знал это и приготовился смирить гордость и горячность крови.

Многое изменилось во дворце с тех пор, как Расул вышел в отставку. Основная масса гвардейцев ушла на покой, и их сменили наемники. Люди, которым было наплевать, на кого работать, лишь бы платили. Сатрап не был жадным, и мог рассчитывать на долю преданности этих бойцов.

Изменился и сам сатрап. Седые волосы не могли уже закрыть обширную лысину, а живот удобно покоился на жирных коленях. Глаза почти скрылись в узеньких щелках, оставшихся между щеками и бровями, а нос приобрел почти лиловый оттенок, выдавая пристрастие своего владельца к вину.

Увидев своего старого телохранителя, сатрап пьяно икнул и разразился громким криком:

– Капитан! Я рад, что ты почтил нас своим присутствием. Чем я обязан такой чести? Тебе нужно что-то? Скажи?

– Да, повелитель. Меня привела нужда, и я надеюсь на твою милость в память о моей верной службе тебе и твоим великим предкам.

– Проси. Я не пожалею для тебя ничего. Даю слово! – Пьяная щедрость сатрапа не могла обмануть Расула, но он знал, как можно заставить правителя сдержать слово.

– Повелитель! Во дворце живет мальчик, отпрыск чресел твоих и рабыни с севера. Отдай его мне на обучение. В нем течет кровь великих бойцов, и я хочу передать ему все, что знаю сам.

Сатрап удивленно уставился на старика.

– О ком это он? – через минуту спросил сатрап стоящего рядом со льстивой улыбкой придворного.

– Сейчас он находится при канцелярии, повелитель. Но это не его место.

– А-а! Мой господин, он говорит о том маленьком чудовище, которое посмело поднять на тебя руку, – соизволил вспомнить придворный.

– Ах, этот! – поморщился сатрап. – Чем же он тебе так приглянулся, старик? Злобное животное, не способное на почтительность и благодарность.

– Отсутствие почтительности – это кровь матери-дикарки. А смелость и решительность – от предков-воинов, господин. Он рожден воином. Отдай его мне. Это все, о чем я прошу тебя. Такая мелочь не затруднит тебя и позволит снова возвысить свою мудрость. – Поклонился Расул. Сатрап довольно усмехнулся.

– Хорошо. Отдайте ему соплка. Все равно этот бастард не может жить при дворе.

– Благодарю тебя, повелитель. Тогда подпиши этот указ, и я покину твои покои, преисполненный благодарности и почтения к твоей мудрости, – проговорил Расул, протягивая сатрапу пергамент. Эти слова дались старику с трудом, но он вымолвил их, скрипя зубами и заботясь только о том, чтобы на лице не отразилось ничего.

Довольно хрюкнув, сатрап выхватил пергамент и размашисто чиркнул пером. Ухватив придворного лизоблюда за ухо, сатрап заставил его согнуться и, положив пергамент ему на спину, с размаху прилепнул к пергаменту личную малую печать.

– Вот. Ты попросил и получил, старик. Теперь мальчишка твой. Можешь учить его, сварить в масле или использовать в термах. Тебе ничто не помешает. Он – твоя собственность. – И швырнул пергамент старику.

Подхватив документ налету, Расул быстро взглянул на подпись и печать и, поклонившись, вышел из зала. Посмотрев ему вслед, сатрап неожиданно оттолкнул придворного и, отбросив кубок, прошипел:

– Старый, упрямый осел! Придет время, и ты заплатишься за свое поведение.

Расул быстро шагал по коридорам, чувствуя одновременно радость и бешенство. То и другое заставляло его ускорять шаг. Старику хотелось побыстрее забрать мальчика и уйти из дворца. Слишком давно он не бывал здесь, успев отвыкнуть от этой атмосферы и взаимоотношений.

Неожиданно на пути старика появилась служанка и, поклонившись, тихо проговорила:

– Господин, моя хозяйка хочет поговорить с вами.

– О чем? Я давно уже не служу. Боюсь, ты ошиблась, девочка.

– Нет, господин. Речь идет о мальчике. Прошу вас. Она его мать.

Расул молча кивнул и направился следом за посланницей. Кованные каблуки боевых сапог выбивали звонкую дробь по мозаичному полу дворца, и в нее тихим шепотом вплетался шорох шелковых туфель служанки, тихо скользившей перед стариком.

Служанка привела Расула во внутренний сад, где в это время никого не бывало. Жара загоняла обитателей дворца в тень, вынуждая временно бросить интриги и шпионаж. Дойдя до зарослей акации, девушка остановилась и тихо проговорила:

– Подождите, пожалуйста, здесь, господин. И не реагируйте, если увидите или услышите что-то необычное. – Расул кивнул и замер, стоя, словно в карауле.

Через несколько минут в кустах раздался шорох и тихий голос со странным, гортанным акцентом проговорил:

– Господин, не оборачивайтесь. Прошу вас, ответьте мне, зачем вам этот мальчик?

– А кого это интересует? – ответил старик вопросом на вопрос.

– Ответьте, умоляю вас! Я его мать.

– Хорошо. Я скажу тебе, – ответил Расул и неожиданно перешел на язык северных варваров.

– Я увидел в этом ребенке талант воина. Бойца. В нем течет кровь его предков, воинов. Он несчастен во дворце. Я заберу его в свой дом. Дам образование, научу владеть оружием, сделаю из него настоящего воина, равного которому не будет. Он сам хочет учиться.

– Я помню тебя, капитан гвардии. Ты был первым и единственным, с кем я могла поговорить на своем языке. Спасибо тебе, воин. Пусть с тобой будет благословение несчастной матери. Я научила его своему языку. Говори с ним, пусть он помнит, откуда происходят его корни. И еще запомни. Для всех он Азиз, но я дала ему еще одно имя, в честь нашего бога, покровителя воинов, путешественников и мастеров – Тора. Ал-Тор. Так его зовут.

– Видно, твои боги сами надоумили тебя. Это имя больше всего подходит ему. Я запомню. Не беспокойся. С ним будет все в порядке. Я позабочусь о нем. Кстати, ты случайно не знаешь, чем твой сын успел так досадить сатрапу, что при одном упоминании о нем сатрап начинает трезветь от злости?

– Сатрап хотел сделать его банным слугой...

– Собственного сына?!

– Сатрап никогда не признает его своим сыном. Ал-Тор – бастард. Его никто не признает за своего, ни благородные, ни рабы. Его жизнь будет наполнена презрением людей...

– Не будет, – резко перебил ее Расул. – Я сделаю из него воина, которого будут если не уважать, то бояться. Может, это и не принесет ему множество друзей, но защитит от унижений. Так что он сделал?

– Когда сатрап приказал отправить его в термы, мальчик просто послал канцлера, пришедшего за ним, подальше, заявив, что скорее зарежет сатрапа, чем станет так унижаться, и вообще он хочет быть воином, а не банщиком.

Сатрапу доложили его ответ. Тот послал слуг, и мальчика притащили в большой зал совета. Чего это стоило слугам, это отдельный рассказ. Сатрап решил наказать мальчика лично и попытался ударить его. Но мой сын потомок многих поколений воинов. Он не знает страха. Лекари с трудом привели сатрапа в чувство, и еще неделю тот не был ни на что способен как мужчина.

– Значит, я и вправду не ошибся. В этом мальчишке живет дух воина.

– Я только одного не понимаю. Что тебе до него?

– Просто я тоже одинок, девочка. Я прожил жизнь, оставшись на ее закате один. Вот и все. А теперь прощай.

– Прощай, воин. Да хранят вас обоих боги.

– Береги себя, девочка, – тихо ответил Расул и, не оглядываясь, направился к выходу.

Канцелярию дворца он нашел в том же состоянии, в каком оставил много лет назад. Столы, заваленные бумагами, подслеповато шурящиеся писари и пыль, от которой безудержно хотелось чихать. Но царила над всем этим великолепием лень! Лень, от которой не было спа-

сения никому. Писцы то и дело откладывали бумаги и принимались бродить по огромному помещению, подталкивая и подшучивая друг над другом.

Увидев старика, они дружно бросили все дела и уставились на человека, о котором столько слышали. Предъявив им пергамент с личной печатью сатрапа, Расул потребовал позвать Азиза. Недоуменно переглянувшись, писцы принялись выяснять, кого именно ищет старик.

Наконец, один из старших писцов вспомнил драчливого мальчишку, не способного проявлять даже малейшее уважение к старшим. Услышав такое высказывание в адрес своего нового ученика, Расул усмехнулся про себя и рявкнул на молодых людей:

– Долго мне еще стоять в этой обители лени и нерадивости?! Найдите мальчика или закончите свои никчемные жизни на плахе!

Услышав про плаху, писцы засуетились и трое самых молодых, подхватив полы своих халатов, помчались искать мальчика. Спустя почти час они привели его, но чего им это стоило Расул понял, только когда они вошли в канцелярию.

Все трое хромали. У одного под глазом расцветал огромный синяк, у второго сверкала свежая царапина через всю щеку, а третий то и дело сгибался, прижимая руки к низу живота. Как следует рассмотрев эту картину, старик расхохотался во весь голос.

– Ай да воины! Это же надо! Втроем еле справились с одним мальчишкой.

– Это не мальчишка, а порождение ифрита! – проворчал один из писцов и тут же согнулся, получив удар ногой в пах.

– Еще раз скажешь подобное о моей матери, и я сделаю тебя евнухом, – прозвенел мальчишеский голос.

– Хватит! – осадил его Расул. – Хватит, Азиз. И вы тоже прекратите. Я пришел сюда забрать его, а не разбирать ваши дразги, – прорычал старик и повернулся к мальчику: – Ты хотел учиться у меня. Теперь у тебя есть такая возможность. Этот документ дает мне право забрать тебя к себе и делать с тобой все, что мне заблагорассудится. Ты готов идти со мной?

– Да, мастер.

– И ты не спрашиваешь, для чего мне такой документ?

– Нет. Я хотел учиться у вас. И я буду учиться, – твердо ответил мальчик.

– Хорошо. Пойдем, парень. Нам еще многое нужно сделать, – улыбнулся старик и протянул мальчику руку.

* * *

Двухэтажный каменный дом, обнесенный высоким забором, помнил многое. Здесь на внутреннем дворе тренировалось не одно поколение бойцов. Здесь справляли свадьбы и похороны. Давали клятвы и получали первое боевое оружие. Но такого эти стены не помнили.

Юноша семнадцати лет, загорелый до цвета старой бронзы, вытворял на глинобитной площадке такое, что нормальный человек отказался бы поверить в это. Его гибкое, сильное тело напоминало клинок. Гибкий, упругий и такой же смертельно опасный. Под гладкой кожей перекачивались упругие мышцы, напоминавшие пружины. Из-под прямых черных как вороново крыло волос весело сверкали зеленые, кошачьи глаза.

Именно этот колдовской взгляд и был причиной многих проблем. Люди боялись его, деля охранные знаки и стараясь не попадаться под него. Многие уходили, а те, кому волей случая приходилось говорить с его хозяином, прятали глаза, стараясь побыстрее закончить дело.

Юноша давно уже перестал обращать внимание на подобное поведение людей, хотя иногда, из чистого озорства, специально останавливался у какой-нибудь лавки и принимался торговаться из-за каждого медяка.

Приезжие купцы, не зная его, начинали отвечать, завязывая спор, несмотря на охранные знаки и стремление спрятать глаза. Вволю поторговавшись, Азиз уходил, найдя благовидный предлог, после чего купец долго отдувался и пыхтел, приходя в себя после такого необычного зрелища.

Старый Расул не раз пытался отговорить юношу от подобных опытов, но это плохо удавалось. Пообещав старику прекратить, он через некоторое время снова принимался за старое. Поначалу купцы пытались натравить на него своих охранников, но, потеряв несколько человек, бросили эти попытки. Парень был слишком хорошим бойцом, чтобы позволить караванным сторожам справиться с собой.

Расул тихо радовался достижениям ученика, не показывая виду, что достижения юноши откровенно приводят его в восторг. Очень скоро в городе не осталось бойца, способного противостоять Азизу.

Старый капитан специально приглашал опытных ветеранов к себе в дом, предлагая им сразиться с юношей. Последней каплей стала схватка юноши с пятью наемниками, бросившимися в драку на базаре. Несколько минут, и вся пятерка, стена и охая, валялась в пыли.

История эта дошла до ушей сатрапа, обожавшего гладиаторские бои. Услышав, что старик воспитал отменного воина, сатрап решил в очередной раз унизить бывшего капитана, а заодно и уничтожить строптивного отпрыска. Договорившись с купцами, он выписал из разных стран лучших бойцов, готовых заработать на боях.

Приурочив это событие к празднику, сатрап направил Расулу письмо с предложением выставить своего бойца. Эта затея не нравилась Расулу, но с просьбами сатрапа не шутят, можно дошутиться до топора. И скрепя сердце, старик показал письмо Азизу.

– Ну и что? Утрем нос этому индюку? – рассмеялся юноша, лихо провернув в руке клинок.

– Это не учебный бой. Это схватка до смерти.

– Я знаю, мастер. Как знаю и то, что меня учил лучший боец империи. Это будет моим испытанием. Если я достоин тебя, я буду победителем, а если нет, то жить мне незачем.

– Не смей так говорить!

– Это правда, мастер. Я хочу быть достойным тебя.

– Спасибо, сынок. Но я хочу, чтобы ты жил.

– Я тоже не собираюсь умирать. Я хочу выиграть этот турнир и утереть нос сатрапу. А самое главное – это быть достойным тебя, мастер. Соглашайся. В любом случае у нас нет выбора.

– Тут ты прав, сынок, – задумчиво ответил Расул, что-то обдумывая.

Согласившись с учеником, Расул развил бурную деятельность. Отправив письмо с согласием сатрапу, он приказал упаковать большую часть вещей и коллекционного оружия, рассчитал почти всех слуг и переехал на постоянный двор.

Последнее, что сделал старик перед самым переездом, был его подарок. Посмотрев, как юноша легко раскручивает в руке обычный меч, он задумчиво спросил:

– Кажется, эта штука слишком легка для тебя?

– В общем-то, да, мастер. Я уже почти не слышу его в руке.

– Это плохо, – ответил старик и ушел в дом.

Через несколько минут он вернулся, неся в руках странное оружие. Это был длинный, намного больше обычного, меч из черной бронзы. Рукоять, сделанная в виде лосяного копыта, была обтянута кожей, а гарда выполнена в виде рогов лося.

Азиз взял меч и осторожно, словно боясь уронить, поднял над головой. Качнув несколько раз оружие в руке, юноша отметил великолепный баланс и удобство простой рукояти.

– Откуда у тебя такое чудо, мастер? – удивленно спросил он.

– Это, прощальный дар друга. Хозяин этого меча погиб много лет назад. Он был варваром, из той же страны, что и твоя мать. Мы подружились в походе и побратались. Стрела пробила ему грудь. Все, что я мог для него сделать, это похоронить по их обычаям и передать весть к нему на родину. Он оставил меч и кинжал. Кинжал вернулся на родину, а меч остался у меня. Как память. Он сам так решил. Теперь он твой.

– Он словно прикипел к рукам, – удивленно проговорил Азиз. – Странная рукоять. Можно взять и одной и двумя руками.

– Это полоторный меч. Таким оружием пользуются на севере. Знаешь, как его иногда называют?

– Как?

– Бастард.

– Что ж, значит, это судьба, – улыбнулся юноша и легко взмахнул тяжелым оружием.

Несмотря на почтенный возраст, клинок оставался острым и легко разрезал шелк и железо, не получая зазубрин. Азизу казалось это невозможным, но это было правдой. Неизвестный мастер выковал оружие, способное пережить века.

Оружие все больше и больше покоряло юношу. Он начал прокручивать танец меча, и клинок словно понимал его, помогая и выводя руку на нужную высоту. Азиз продолжал двигаться, постепенно наращивая скорость. Очень скоро меч превратился в сверкающую полосу, со свистом рассекающую воздух.

– Это невозможно, но я словно чувствую его душу! – счастливо рассмеялся юноша.

– Это возможно, сынок. В тебе говорит кровь твоих предков, а меч слышит и зовет ее.

Вы рождены друг для друга.

– Бастард, рожденный для бастарда, – зло усмехнулся Азиз.

– Нам неведомы помыслы богов, сынок, – задумчиво ответил Расул.

– О чем ты, мастер?

– Не обращай внимания. Просто мысли вслух, – чуть улыбнулся Расул и, подозревая юношу к себе, принялся ему что-то втолковывать.

Внимательно выслушав старика, Азиз попытался что-то возразить, но старик не дал ему ничего сказать. Резко перебив, он зарычал на юношу, заставив замолчать. Разговор затянулся, но после командирского рыка Расула, юноша не посмел больше перебивать и замер, внимательно вслушиваясь в слова учителя.

Подготовка к турниру не заняла много времени. Расул прекрасно понимал, что юноша уже превзошел его самого и найти равного ему противника довольно сложно. Этот мальчик оказался именно тем, кого и искал старик. Прирожденным бойцом.

Спустя три дня в городе огласили условия игр. Так делали всегда, на протяжении вот уже многих лет. За день до начала объявляли условия боев, чтобы исключить сговор и не дать противникам подстроить друг другу каверзу.

Услышав о начале боев, Расул ни на шаг не отпускал от себя Азиза, запретив ему одному даже спускаться в общий зал постоялого двора. Привыкший во всем слушаться старика, юноша только тихо ворчал под нос, но подчинялся.

Утро назначенного дня подняло обоих птичьим гомоном и ласковым солнечным теплом. Быстро умывшись и позавтракав, учитель и ученик вышли с постоялого двора. Не торопясь, двигаясь в направлении амфитеатра, они внимательно присматривались к попутчикам. Любой из них мог оказаться соперником Азиза.

Расул то и дело оглядывался, словно выглядывая кого-то. Не выдержав, юноша спросил у старика, что происходит.

– Ничего, сынок. Все в порядке. Просто смотрю, как слуги выполняют мои приказы.

– Какие именно? – не унимался юноша.

– Разные. Дай нам боги, чтобы они оказались лишними, – мрачно ответил старик.

Азиз недоуменно посмотрел на мастера, но так ничего и не высмотрев, пожал плечами и двинулся дальше. Он плохо понимал, что происходит. Ему было трудно представить, что сатрап решится приказать схватить победителя турнира. В своей победе он не сомневался. Слишком много труда, сил и желания было вложено в его обучение, чтобы пустить все прахом.

Бесспорно, на турнире будут собраны лучшие бойцы, но то, что передал Азизу старик, делало его практически неуязвимым. Это было мастерство древних, искусство, уходящее корнями в века, когда люди еще толком не умели даже обрабатывать землю. Где, как и каким образом старый воин смог получить эти знания, оставалось тайной, но он передал их Азизу. Передал полностью, без остатка, и юноша понял это, когда в последних учебных боях смог легко противостоять своему учителю.

Старик и юноша прошли к служебному входу, охраняемому гвардейцами сатрапа. Увидев отставного капитана, начальник караула отдал честь и без лишних слов пропустил их в амфитеатр. Зная все его переходы, как свой дом, Расул уверенно вел юношу в комнаты для участников.

Распорядитель боев встретил их у самого выхода на арену и, вежливо поклонившись, попросил показать пергамент сатрапа. Расул молча вручил ему документ и, получив вежливое приглашение, удовлетворенно кивнул, когда распорядитель начал извиняться за свое требование. Это была последняя проверка, и он вынужден был требовать бумаги у всех. Расул знал это и примирительно хлопнул мужчину по плечу, проворчав только одно:

– Не расстраивайся так, дружище. Я знаю, что это просто формальность.

Облегченно вздохнув, распорядитель поклонился и повернулся к следующему участнику. Старик ввел Азиза в комнату и, выбрав место, усадил юношу на скамью, принявшись доставать из прихваченного с собой мешка кожаную амуницию. Это был короткий жилет из толстой бычьей кожи, прошитой суровой нитью в две строчки. К спине специальными петельками крепились ножны меча, а по бокам можно было прикрепить кинжалы, ножи, метательные звездочки и другие смертоносные приспособления.

Короткие нарукавники со стальными бляшками, в которых также можно прятать оружие, и широкий боевой пояс из стальных пластин, скрепленных между собой стальными же звеньями. Пряжка ремня тоже была оружием. Заточенная по краям до бритвенной остроты, она могла легко разрубить даже стальной доспех. В хороших руках пояс представлял собой подобию боевого кнута. Юноша растерянно уставился на приготовления учителя.

– Захлопни рот, а то ворона гнездо совет, – усмехнулся старик.

– Зачем все это, мастер?

– Так надо, малыш. Не задумывайся над этим, просто поверь мне и делай, что говорю. Так будет лучше и проще.

– Чем?

– Что чем? – не понял старик.

– Чем лучше?

– Если ты выйдешь без защиты, противники насторожатся, а с ней ты ничем не отличаешься от других. Не надо раньше времени показывать, что ты их не боишься. Да и я буду спокойнее. Договорились?

– Конечно, мастер. Я не собирался спорить, просто хотел понять.

– Знаю, потому и отвечаю на твои вопросы, – усмехнулся Расул.

Зазвучал рог, и участников вызвали на ристалище. Сатрап уже прибыл, и теперь все должно было пойти намного быстрее. Тамбялбоз не отличался особым терпением, и виновный в промедлении рисковал усесться на кол. Такое уже бывало не раз.

Участники прошли на середину арены и, выстроившись в ряд, повернулись к ложе сатрапа. Внимательно осмотрев строй бойцов, сатрап удовлетворенно кивнул головой и сделал распорядителю знак начинать. Поклонившись, тот приказал подать урну богов.

Так называли большой бронзовый сосуд, в котором находились таблички с именами участников. Их перемешивали серебряным жезлом и доставали серебряными же щипцами. По традиции никто не мог прикасаться к табличкам руками после того, как они были опущены в урну. Жребий решали боги.

Четверо рабов вынесли носилки с урной и, встав под ложей сатрапа, принялись ритмично встряхивать носилки, чтобы перемешать таблички. Дождавшись кивка сатрапа, они перенесли ее к помосту распорядителя, и тот принялся снова перемешивать их жезлом. Затем, опустив в урну щипцы, ухватил табличку и, достав ее, огласил имя бойца. Повторив это действие, он назвал противника.

Вызванные бойцы остались на арене, остальные направились под навес, установленный в дальнем конце ристалища. Наемники выстроились перед бойцами с обнаженным оружием, отрезая их от оставшихся на арене. Никто не имел права вмешиваться в поединок. Здесь все решали только сила, опыт и желание бойца. Никто не смел заставить бойца убить противника, хотя милосердие не поощрялось. Боец, трижды отказавшийся убить противника, с позором изгонялся с арены и больше никогда не приглашался на бои.

Гладиатор мог по своему усмотрению нанести противнику удар милосердия, если тот был смертельно ранен, или ранить его, позволив остаться в живых. В любом случае побеждал тот, кто смог остаться на ногах и с оружием в руках.

Сидя на скамье ожидания, Азиз осторожно осмотрелся, пытаясь оценить своих противников. В основном это были опытные, прошедшие огонь и воду ветераны, знающие, на что они идут. Было и несколько молодых парней, для которых этот день был первым и, возможно, последним испытанием умения и мастерства боя.

Бойцы потихоньку присматривались друг к другу, стараясь делать это незаметно. Напряжение потихоньку росло, заставляя их нервно проверять оружие и поправлять амуницию. Только Азиз оставался спокоен.

Глубоко и ровно дыша, он держал себя в руках, не давая чувствам завладеть собой. Этому его тоже научил Расул, постоянно твердя, что боец, подверженный эмоциям – это мертвый боец. Состояние юноши не ускользнуло от сидевшего рядом варвара из охраны сатрапа. Чуть наклонившись к юноше, боец с ужасным гортанным акцентом проговорил:

– Что? Страшно? Правильно боишься. Если выйдешь против меня, я тебя не убью. Только покалечу. А когда поправишься, сделаю своей любовницей. Вы, восточные, ни на что больше не годитесь.

Азиз медленно повернулся к варвару и тихо ответил:

– Если ты выйдешь против меня, я сделаю тебя евнухом. – И снова отвернулся, не заботясь, понял его варвар или нет.

Спокойствие юноши подействовало на северянина, как красная тряпка на быка. Взревев, он вскочил на ноги и тут же согнулся. Не поворачиваясь, Азиз молниеносно взмахнул рукой, нанеся незаметный взгляду удар в пах. Хрипло вскрикнув, варвар рухнул на песок, судорожно суча ногами и тщетно пытаясь глотнуть воздуха.

Охрана, недоуменно переглянувшись, направилась к лежащему. Никто не увидел движения юноши, поэтому падение бойца вызвало откровенное недоумение. Быстро подняв упавшего, они потащили его в казармы. Подобные казусы иногда случались, и гвардейцы были научены, как поступать в таких случаях.

– Хорошо сделано, – прошептал седой могучий боец, сидевший с другой стороны от юноши. Азиз сделал недоуменные глаза, и боец рассмеялся.

– Не надо, парень. Я все видел. Не волнуйся. Он сам напросился.

Азиз молча кивнул и так же тихо спросил:

– Ты уже участвовал в подобном?

– Да. Не раз. Это стало моим единственным хлебом. Я слишком стар, чтобы служить. А кроме того, не люблю кланяться.

– Не ты один, – чуть усмехнулся юноша.

– А кто еще?

– Мой учитель.

– Кто он.

– Отставной капитан Расул.

– Старик Расул?!

– Ты знаешь его?

– Когда-то он спас мне жизнь. Ты его ученик?

– Да.

– Поклянись!

– Зачем?

– Поклянись, и я поверю тебе.

Недоуменно пожав плечами, Азиз поклялся своим именем, и ветеран молча опустил голову. Немного помолчав, он глухо проговорил:

– Значит, пришла пора платить старые долги.

– О чем ты?

– Не важно. Если нас поставят друг против друга, сражайся в полную силу. Не жалея и не щади меня. Это все, что я могу тебе посоветовать. – Высказавшись, ветеран отвернулся, и Азиз увидел, как под загорелой кожей лица заходили желваки.

Пожав плечами, юноша взглянул на арену. Бой подходил к концу. Один из бойцов, получив несколько резаных ран, медленно истекал кровью. Вместе с кровью его покидали силы. Взмахнув мечом, он с отчаянием обреченного бросился в атаку, но противник отбросил его клинок в сторону и нанес прямой удар в грудь. Все было кончено.

Зрители приветствовали победителя криками и дождем из медных и серебряных монет. Эти монеты быстро собирались служками и ссыпались в специальный кошель, который потом отдавался победителю. Присвоить хоть одну монету из брошенных означало подписать себе смертный приговор. Воров казнили прямо здесь же, на арене.

Распорядитель назвал новые имена, и бойцы покинули скамью. Прозвучал гонг, и бой начался. На этот раз был вызван один из юношей. Ему предстояло сразиться против звероподобного бойца из страны, название которой не рискнул бы назвать ни один нормальный человек.

Юноша был вооружен мечом и кинжалом. В руках зверя серебристой рыбой вертелся топор. Бойцы сошлись, и дикарь, утробно ухнув, опустил топор на голову противника. Недолго думая, юноша подставил под удар меч, по неопытности не рассчитав силу удара противника.

Удар дикаря был так силен, что меч оказался просто вбитым в голову юноши. Следом за мечом голову бойца раскроил топор. Все кончилось, не успев начаться. Толпа дружно ахнула и принялась освистывать убитого бойца.

Служки быстро унесли тело, и распорядитель снова опустил щипцы в урну. На этот раз был вызван огромный чернокожий боец в набедренной повязке, сжимавший в руках остро отточенный ассегай.

Против него пришлось встать Азизу. Весело усмехнувшись, юноша поправил перевязь и легким шагом двинулся к противнику. Неожиданно тишину амфитеатра нарушил голос самого сатрапа:

– Жители Кортеса! Этот юноша – ученик знаменитого капитана Расула. Посмотрим, не утратил ли старый воин своих навыков. Давай парень, не посрами учителя!

Усмехнувшись в ответ одними губами, Азиз шагнул к противнику и сделал приглашающий жест. Меч его так и остался в ножнах. Негр усмехнулся, блеснув белыми как снег зубами и взмахнул оружием. Воздух простонал, рассекаемый острым оружием, но удар прошел мимо.

Легко, почти лениво, юноша отступил в сторону и ударил голой рукой. Твердый как камень кулак, расплющил и без того плоский нос чернокожего, заставив его захлебнуться кровью. Выронив ассегай, негр упал на спину, прижимая к лицу ладони. Зрители взвыли от восторга.

Азиз стоял, небрежно опустив руки, с легкой улыбкой глядя на завывающую толпу. Ушибленный боец медленно поднялся и потряс головой, пытаясь разогнать туман перед глазами. Кровь, ручьем вытекавшая из разбитого носа заливала лицо, превращая его в гротескную маску, и медленно стекала не грудь. Утерев ладонью лицо, воин слизнул с пальцев кровь и, подобрав свое оружие, метнулся в атаку, нанося удар от самой земли. Но его расчет не оправдался.

Моментально собравшись, юноша сделал сальто и, чуть коснувшись ногами земли, снова взвился в воздух. Его удар настиг атакующего в середине движения, и негр снова оказался на песке. Толпа уже просто стонала от восторга. В очередной раз дав противнику встать, Азиз снова отдал ему инициативу атаки и, сделав еще один кульбит, приземлился на спину врагу. Моментально оплетья бычью шею руками, юноша сделал резкое движение – и на песок упал труп.

Азиз умудрился победить, даже не обнажив оружия. Такое владение телом было встречено зрителями с восторгом. Гром аплодисментов и восторженных криков провожал юношу до самой скамьи ожидания. Служители собрали брошенные на песок монеты и вручили кошель юноше. С любопытством заглянув в него, Азиз присвистнул от удивления. В основном там лежало серебро, но мелькало и несколько золотых. Меди почти не было.

– Неплохо, парень. Очень неплохо. Но ты напрасно показываешь все, что умеешь, – раздался рядом незнакомый голос и Азиз, обернувшись, увидел очередного ветерана, с ухмылкой глядевшего ему в глаза.

– А с чего ты взял, что это все? – усмехнулся юноша, и ухмылка пропала, сменившись недоуменной миной.

Внимательно наблюдая за следующей парой бойцов, Азиз всей кожей ощущал злой взгляд сатрапа. Победа, давшаяся ему с такой легкостью, не могла не вызвать бешенства властелина, рассчитывавшего опозорить и его и его учителя. Чуть усмехнувшись, юноша поискал глазами мастера.

Старик стоял за воротами у входа в казармы. Лицо старого воина оставалось бесстрастным, и только глаза светились радостью и удовлетворением. Юный воин оправдывал его надежды, и старик по праву гордился своим учеником. Но это был только первый бой.

Почувствовав на себе взгляд юноши, Расул перевел взгляд на ученика и чуть заметно кивнул, улыбнувшись уголками губ. Эта сдержанная, не заметная постороннему взгляду похвала, обрадовала юношу больше, чем все аплодисменты, вместе взятые.

Чуть кивнув в ответ, Азиз перевел взгляд на сражающихся. Внимание его привлек молодой боец, пытавшийся повторить приемы самого Азиза. Гибкости и силы у него было с избытком, а вот реакции и знаний явно не хватало. В итоге ветеран, сражавшийся против него, просто остановился посередине движения, и парень вместо того, чтобы оседлать противника, с размаху рухнул на песок.

Зрители разразились свистом и улюлюканьем, радуясь проигрышу молодого бойца. Ветеран, дождавшись, когда он встанет, шагнул вперед и всадил кинжал в живот противнику. Оглушенный падением, парень не успел ничего предпринять и рухнул на песок, обливаясь кровью и пытаясь руками удержать вываливающиеся внутренности.

– Пожалел, – тихо произнес сидевший рядом с Азизом боец.

– С чего ты взял? – тихо спросил юноша.

– С такими ранами часто выживают. Особенно если рядом окажется хороший лекарь или на худой конец коновал. Запихает требуху обратно, залатает шкуру – и все дела. Он мог ударить в горло или в грудь. Вот тогда точно конец. – Юноша согласно кивнул и внимательно посмотрел на идущего к скамье ветерана.

Победа его явно не радовала. Воин шел, опустив голову и не обращая внимания на приветственные крики толпы. Тяжело опустившись на скамью неподалеку от Азиза, он глотнул разбавленного вина и взглянул на юношу.

– Он решил повторить твои фокусы и поплатился, – негромко проворчал он.

– Я это понял, – кивнул Азиз.

– Будешь повторять их?

– Нет. Использую другие. У меня их много.

– Смотри, не перестарайся. Сам видишь, чем это может кончиться.

– Видел, – кивнул Азиз и взглянул на арену.

Там уже сошлась очередная пара бойцов. Оба северные варвары, вооруженные боевыми молотами. В опытных руках это было страшное оружие. Снабженное с одной стороны широким бойком, а с другой – заостренным клином, который сами варвары называли клюв ворона.

В данном случае руки, сжимавшие оружие, никак нельзя было назвать корявыми. Оба бойца виртуозно орудовали молотами, перекидывая и проворачивая их в руках, нанося удары то бойком, то клювом. Обитые железом рукояти звонко сталкивались в тишине арены, иногда высекая искры.

Изловчившись, один из бойцов отбил молот противника, ткнув его обратной стороной рукояти в живот и моментально развернувшись, всадил клюв в висок противника. Боец умер, даже не успев понять, что произошло.

Закинув молот на плечо, варвар направился к скамье, не обращая внимания на крики толпы. Его презрение к овациям вызвало у зрителей волну протеста, вылившуюся в крики, свист и швыряние вслед объедков.

Медленно опустившись на скамью, варвар сплюнул на песок и хрипло проговорил на родном языке:

– Собаки. Трусливые скоты. Им на потеху я должен был убить соплеменника.

– Он был твоим соплеменником? – удивленно спросил Азиз на том же языке. Изумленно обернувшись, варвар растерянно спросил:

– Откуда ты знаешь мою речь?

– Это и моя речь, – ответил Азиз. – Моя мать была рабыней из твоей страны.

– Как тебя зовут?

– У меня два имени. Какое именно тебя интересует?

– То, которым назвала тебя мать. Клички местных меня не интересуют.

– Ал-Тор.

– Посвященный Тору! Что ж, твоя мать не ошиблась. Ты вырос бойцом.

– Спасибо. Но ты не ответил на мой вопрос.

– Да. Он был моим соплеменником.

– Тогда почему вы сражались?

– Мы провинились, перебрали вина в кабаке, устроили драку, а когда появились стражники, вместо того чтобы сдаться, взяли за оружие, и сатрап предложил нам на выбор – умереть на кольях или сразившись на арене. Мы выбрали арену. Лучше умереть с оружием в руках, чем как овцы на бойне.

– Это верно, – кивнул Ал-Тор, он же Азиз.

– Ты хороший боец, – продолжил варвар. – Лучше меня. Я видел твой бой. Такие как ты, редкость. Надеюсь, Тор подарит тебе удачу.

– Спасибо, – кивнул Азиз.

В этот момент зрители взорвались приветственными криками, и собеседники отвлеклись от разговора, дружно взглянув на арену. Высокий и невероятно худой чернокожий боец вогнал копье в грудь противнику, разворотив ему грудину. От удара широкий листовидный наконечник копья показался между лопаток убитого. Уперевшись ногой в живот противнику, боец вырвал копье и, вскинув его над головой, издал боевой клич.

Повернувшись к сидящим, чернокожий выискал глазами Азиза и, ткнув в него копьем, яростно выкрикнул:

– То же самое я сделаю и с тобой! – его хриплый голос и странный акцент прозвучали дико, но бойцы смогли разобрать слова.

Услышав его вызов, варвар, говоривший с Азизом, начал медленно подниматься, вскидывая молот, но юноша удержал его, крепко взяв за локоть.

– Не надо. Придет время, я сам разберусь с ним, – проговорил Азиз и усмехнулся.

Этот волчий оскал объяснил варвару больше, чем все слова. Внимательно посмотрев на юношу, варвар сел и, почесав затылок, хищно усмехнулся в ответ. Потом, подумав, медленно, с расстановкой проговорил:

– Ты и правда боец. И не просто боец, а вожак. За таким, как ты, можно идти в викинг. У тебя есть все, чтобы стать конунгом. Плохо только, что ты не чистокровка. Клань не поверят бастарду.

– Разве так важно, кто был отцом или матерью? По-моему, намного важнее, кем стал сам человек.

– Это верно. Но предки, это те, кто может попросить для тебя милости богов и к кому ты сам можешь обратиться в трудный момент.

– Милость богов? Ее не надо просить. Боги сами пошлют свою милость тому, кто готов ее взять.

– Ты, и вправду, настоящий конунг, – почтительно проговорил варвар.

В этот момент Азиз услышал свое имя и встал. Выходя к середине арены, он разглядывал своего противника. Коренастый, кривоногий, с головой, словно растущей из плеч, он казался выточенным из цельного куска мореного дуба. В руках он сжимал кривую саблю – карабеллу.

Присмотревшись, Азиз понял, что его противнику более привычен конный бой. Пешая схватка была не его стихией. Чуть сместившись, Азиз внимательно следил за каждым движением степняка. На скуластом лице не отразилось ничего, когда неожиданно воин гортанно вскрикнул и прыгнул вперед, стараясь достать противника косым ударом от пояса.

Прыгнув вперед и в сторону, юноша ударил кованым сапогом по вооруженной руке, выбивая саблю. Степняк бросился за оружием, покотившись по песку и уходя от предполагаемого удара. Но его не последовало.

Позволив противнику поднять оружие, Азиз выхватил меч и нанес удар из-за плеча. Ножны, находившиеся за спиной, позволяли ему не терять времени на замахи. Старинный клинок свистнул, и из разрубленной шеи ударил фонтан крови, окрасив песок в алый цвет.

Провернув меч в руке, он стряхнул с клинка кровь и вернул его в ножны. Медленно оглядывая беснующуюся толпу, юноша наткнулся на взгляд сатрапа и презрительно усмехнулся. Властелин смотрел на юного бойца со смесью страха, ненависти и зависти.

Сатрап уже понял, что вся его затея грозит провалиться. Старик смог воспитать бойца, способного в одиночку справиться с целым отрядом, и это пугало стареющего властелина. Было и еще кое-что, что лишало его покоя. Юноша был бастардом. Но бастардом не чьим-то, а его самого, и при хорошем раскладе мог бы захватить власть, заставив сатрапа признать себя. Толпа и солдаты легко могли принять такого бойца, а авторитет Расула среди гвардейцев был все также непоколебим. На мнение благородных в таких случаях обычно не обращали внимания. Главное, было признание толпы. Признание, которое позволит новому сатрапу обеспе-

чить поставку налогов в империю, а императору останется только узаконить нового правителя своим указом. Императору глубоко наплевать, кто сидит на троне сатрапии, лишь бы налоги текли в казну и чернь сидела тихо, не выказывая свое недовольство слишком громко.

Все эти мысли Азиз легко прочел на лице правителя и снова усмехнулся. Власть ему была не нужна. Он был рожден воином, а не политиком. Все, чего он добивался, это месть. Месть за загубленную жизнь матери, за честь старого учителя, за всех, кого погубили глупость и самодурство сатрапа.

Его и самого когда-то отвергли. Отвергли с самого рождения только за то, что он посмел появиться на этот свет. Отвергли благородные, за то, что его мать была рабыней, и отвергли плебеи, потому, что его отец был сатрапом. Изгой. Изгой от рождения. Изгой по происхождению. Изгой по образу мыслей и жизни. Даже меч, подаренный ему учителем, был не обычным мечом, а бастардом. Единственное оружие, пришедшееся ему по руке. Что ж, значит, так решили боги.

Обуреваемый этими мыслями, юноша направился к скамье, но ему не суждено было передохнуть. Повинуясь знаку сатрапа, распорядитель снова выкрикнул его имя, вызвав против высокого чернокожего с копьем.

Зрители зароптали. Даже бойцы подскочили на своих местах, разразившись возмущенными криками. Они прекрасно поняли, что произошло, но доказать ничего не могли. Да и кто будет слушать смертника? Ведь таблички вынимались из урны богов.

Презрительно усмехнувшись, Азиз взглянул на ложу сатрапа и шагнул обратно. Вызванный противник подскочил и, взыв от удовольствия, рысью понесся к юноше. Не дожидаясь сигнала, он высоко подпрыгнул и взмахнул копьем, попытавшись снести Азизу голову.

Юноша, уже просчитавший весь рисунок боя, просто перекатился через голову, пропуская противника над собой. Вскочив, он моментально обнажил клинок, встретив копьё на полпути к своему горлу.

Зашипев от злости, чернокожий отскочил и, прокрутив копьё, двинулся по кругу, стараясь поставить юношу лицом к солнцу. Усмехнувшись над столь наивной попыткой, Азиз сдвинулся в сторону, оставшись в своем прежнем положении. Чуть отступив, чернокожий неожиданно заговорил:

– Ты убил моего друга. Мы делили все. Даже собственную силу. Теперь я остался один. А его дух никогда не придет к повелителю Зулу. За это я буду убивать тебя медленно.

– Почему его дух не сможет прийти к повелителю?

– Он умер без крови. Его дух остался в нем, – прохрипел воин и нанес удар. Отбив нападение, Азиз несколькими взмахами меча отогнал противника, и они снова закружили по песку.

– Ну так перережь ему глотку, и дело с концом, – посоветовал он противнику, но тот уже ничего не осознавал.

– Я буду не просто убивать тебя. Я нанесу тебе рану, а потом, когда ты не сможешь сопротивляться, сделаю тебя своей женщиной. Прямо здесь, на арене. Чтобы дух моего друга успокоился. И только после этого я задушю тебя, чтобы ты пошел прислуживать ему в джунглях повелителя.

– А вот за это я убью тебя так же, как и твоего любовника. Без крови, – прорычал разозленный юноша и, сделав обманное движение, перерубил древко копья, срубив наконечник. Отбросив его ногой в сторону, Азиз шагнул вперед, убирая меч в ножны.

Перехватив обрубок древка, воин решил использовать его как дубину, но он не знал простой истины, вбитой в юношу его учителем; воин должен уметь пользоваться любым оружием и знать, как сражаться против него голыми руками.

Тело юноши превратилось в мелькающий по песку вихрь, из которого периодически появлялись то кулак, то кованый каблук, с неумолимой точностью поражающие незащищенные участки тела противника. Это было больно.

Более того, это было унижительно. От унижения, чернокожий воин растерял остатки здравого смысла и, забыв об осторожности, бросился вперед, стремясь нанести один-единственный удар, способный подарить ему преимущество.

Крутанувшись волчком, юноша умудрился дотянуться пяткой до затылка противника, и тот на мгновение потерял ориентацию в пространстве. Этого было достаточно. Моментально оказавшись у него на спине, Азиз зажал шею врага в локтевом сгибе и, упершись коленом в спину, сделал резкое движение корпусом. Сухой хруст, короткий хрип – и воин умер, так и не сумев отомстить.

Отбросив обмякшее тело, юноша встал перед ложей сатрапа и дерзко взглянул на владыку, не обращая внимания на беснующуюся толпу. Ярость сатрапа достигла апогея. Глаза налились кровью, а шея и лицо приобрели багровый оттенок. Медленно приподнявшись, он закричал, топая ногами и брызжа от ненависти слюной:

– Взять его! В железный зиндан бунтовщика!

Толпа, не ожидавшая такого поворота событий, начала роптать. Подобное случилось впервые. Частенько на арене оказывались те, кто был приговорен к смерти, но никогда не уводили смертника с арены в зиндан.

Толпа не хотела терять одного из лучших бойцов, доставлявшего им наслаждение своим умением убивать, и очень скоро ропот перешел в громкие вопли. Гвардейцы окружили ложу, а наемники бросились на арену выполнять приказ нанимателя.

Выхватив меч, Азиз быстрым взглядом оценил ситуацию и приготовился подороже продать свою жизнь. Наемников было слишком много. Выбирая более удобную позицию, он отступил к стене, когда из-за казарменных ворот раздался крик старого Расула:

– Сюда малыш! Беги сюда! Мы встретим их вместе!

– Учитель! – радостно вскрикнул юноша и бросился к воротам.

Удержать неистового капитана не мог никто. Яростно размахивая мечом и кинжалом, старик разогнал охрану у ворот и пинком открыл ворота. Стражники ворот, зная старика не понаслышке, просто бросили оружие и разбежались. Еще свежи были в их памяти дни, когда старик в учебных боях, шутя, разгонял целый десяток голыми руками.

Подбежав к учителю, Азиз моментально развернулся и взмахнул мечом, перерубая горло ближайшему наемнику. Встав спиной к спине, воины одновременно усмехнулись, посылая противнику волчьи улыбки. Эти оскалы заставили наемников удвоить осторожность.

Обходя бойцов по кругу, они попытались взять их в кольцо, но они быстро сместились к воротам, не давая наемникам окружить себя. Послышалась короткая гортанная команда, и наемники бросились в атаку.

Эти псы войны недаром ели свой хлеб. Несмотря на внешнюю разболтанность и недисциплинированность, нападали они слаженно и четко, не мешая друг другу и не вмешиваясь в чужой бой.

Отбив очередной удар, Расул неожиданно крикнул:

– Беги, сынок! Я их задержу!

– Учитель! Я не могу вас бросить!

– Я сказал – беги! Ты знаешь, что делать. Беги. И отомсти ему за нас всех!

– Мастер!

– Беги! Не думай обо мне. Нет ничего лучше, чем умереть в бою, с оружием в руках. Беги и запомни этот день!

Неожиданно грохот и лязг перекрыл громоподобный крик, и на наемника обрушился удар боевого молота, смяв шлем солдата вместе с головой.

– Оди-ин!!! – кричал варвар, размахивая огромным молотом, словно соломинкой. Боевой клич заставил наемников откатиться от бойцов. Встав рядом с Расулом, варвар громко проговорил на своем варварском наречии:

– Беги, конунг! Я помогу ему, беги! Такие, как ты, должны жить и вести воинов в викинг. Беги!

– Я не могу оставить мастера.

– С ним останусь я. А ты беги! Ты должен выжить. Норны сплели нить твоей судьбы, но тебе еще рано пировать в чертогах Одина.

– Уходи, сынок. Ты знаешь, что делать.

Азиз действительно знал. Старик заставил его несколько раз повторить свои указания.

Обреченно кивнув, юноша забросил меч в ножны и метнулся к выходу. За спиной послышался грохот и лязг. Понимая, что он уходит, наемники бросились в атаку. Уже на улице он услышал боевой клич мастера и рев варвара, к которым присоединился еще один клич. Клич воина, пришедшего вернуть Расулу долг за спасенную когда-то жизнь.

Выскочив на площадь, Азиз быстро огляделся и кинулся в сторону городских ворот. В запасе у него было несколько минут. Он мчался вперед, распуская людей, заставляя их в страхе прижиматься к стенам домов. В переулке, недалеко от ворот, их с мастером должен был ждать старый слуга с лошадьми и припасами. Это был их последний день в Кортесе. После боев они собирались уехать на восток.

Там, в солончаковых степях, у старого Расула давно уже был построен дом. Охраняли его ветераны, уволенные со службы по возрасту. Капитан нанял их, понимая, что старые солдаты, не получившие за свою службу ничего, кроме ран и шрамов, очень скоро превратятся в пьяниц или ночных грабителей. В умении сражаться и смелости им не откажешь, зато в умении жить в обычном мире им было отказано очень давно.

Влетев в переулок, Азиз увидел старого слугу, в прошлом тоже солдата. Старик терпеливо ждал их, держа в поводу четырех коней. Трех верховых и заводную, с припасами. Увидев юношу, старик быстро перекинул поводья и вскочил в седло.

– Где капитан? – спросил он подбежавшего Азиза.

– Он остался там, – угрюмо ответил юноша.

– Это он приказал тебе уйти?

Азиз промолчал.

– Азиз! Я тебя спрашиваю!

– Азиза больше нет, старик! Он умер. Сегодня. Есть Ал-Тор. Запомни это, – резко ответил юноша, свирепо сверкнув на ветерана глазами.

– Как прикажешь, мастер, – растерянно ответил тот и, помолчав, добавил: – Капитан предвидел это. Он приказал спасти тебя любой ценой.

– Спасти?! – От возмущения и бешенства юноша рванул повод, подняв жеребца на дыбы.

– Не злись, мастер. Ты сам знаешь, что такое приказ капитана.

– Но ты уже не на службе.

– Да. Но ему я обязан всем. Даже собственной жизнью. Он дважды спасал мою шкуру, и я должен оплатить этот долг. А теперь поехали. У меня есть приказ, и я выполню его, даже если мне придется связать тебя.

– Хорошо. Поехали, потом разберемся, – кивнул юноша, и в этот момент в переулок влетел отряд наемников.

Перепуганные жители добровольно указали им дорогу. Увидев противника, Ал-Тор обнажил меч и, взревев, вонзил каблуки в бока коня. Наемники растерялись. Это было впервые, чтобы один атаковал многих. Их минутное замешательство дорого им обошлось.

Ал-Тор успел свалить троих прежде, чем остальные очнулись и, сообразив, что в узком переулке не могут напасть на него все разом, отступили. Моментально развернув коня, юноша снова двинул его каблуками и помчался обратно, крича ветерану, чтобы тот выводил лошадей к воротам.

Они успели выскочить за городскую черту, когда старик окликнул юношу и, бросив ему поводья свободных лошадей, развернулся обратно.

– Что ты задумал? – успел спросить юноша.

– Пора платить долги, мастер. Езжайте и не оглядывайтесь. Я попробую помочь моему капитану.

– Это невозможно. Неужели ты думаешь, что я оставил бы его?

– Нет, мастер. Но у меня есть приказ, и я должен его выполнить, – твердо ответил старик и дал шпоры коню.

Подхватив поводья, Ал-Тор помчался по степи, уводя лошадей в сторону от дороги и придерживаясь только одному ему известного направления. Старый ветеран выхватил палаш и, пришпорив коня, влетел в ворота.

Лошадь всем своим весом ударила выезжавшего во главе полусотни лейтенанта, отбросив его в сторону. Кобыла офицера шарахнулась и, запутавшись в ногах, рухнула на жеребца десятника. Началась сумятица, которой не преминул воспользоваться старик.

Широкий палаш сверкнул, и лейтенант захлебнулся криком. Ветеран вздохнул и, взявшись за рукоять двумя руками, принялся выкашивать успокаивающих своих лошадей наемников. Это была работа мясника, но старик надеялся только удержать их в воротах подольше, давая юноше время уехать.

Быстро разобравшись в ситуации, наемники бросили лошадей и обнажили оружие. Несмотря на гибель офицера, десятники смогли быстро привести своих людей в чувство и организовать атаку.

Для самих наемников в этом деле было много непонятного. Если мальчишка враг, зачем было выпускать его на арену? Если он такой сильный воин, зачем хватать его и сажать в зиндан? Намного лучше переманить его на свою сторону. Хорошие воины всегда нужны. Эти южане все какие-то сумасшедшие. Отличного воина сажают в тюрьму. Старик с помощью варвара отбивается от целого десятка. Другой старик в одиночку бросается на полусотню.

Но эти псы войны повидали слишком много боев, чтобы вот так просто растеряться от нападения одного, пусть и опытного воина. Коротко прозвучала команда, и наемники откатились назад. Лучники вскинули свои тяжелые, боевые луки и в воздухе свистнули стрелы.

Ветеран упал, обливаясь кровью. Десятники подошли к телу, чтобы убедиться, что противник больше не опасен. Неожиданно старик открыл глаза и хрипло прошептал:

– Прости, капитан, это все, что я мог сделать.

Один из десятников присел над стариком.

– Кто тебя послал, старик?

– Мой капитан.

– Кто он?

– Капитан Расул.

– Куда поехал мальчишка?

– Это знал только он. Вам его не найти.

– Зачем ты бросился на нас?

– Капитан приказал мне спасти своего сына.

– Мальчишка – это сын капитана?

– Да. Он усыновил его. Теперь он не бастард, а воин благородной фамилии и боец, какой вам и не снился, – улыбнулся старик и откинулся на мостовую. По сухому, жилистому телу пробежала дрожь, и ветеран умер.

Десятник выпрямился и, почесав затылок, взглянул на стоящих рядом солдат. Наемники стояли, обнажив головы и отдавая последнюю дань уважения преданному ветерану.

– Хотелось бы, чтобы мои солдаты были также преданны, – проворчал один из десятников.

– В этом деле много непонятного. Кажется, нас заставили делать то, чего не сделали бы местные солдаты, – ответил самый старый из десятников. Повернувшись, он позвал одного из солдат.

– Хорек. Отправляйся в казармы. Делай, что хочешь, но узнай, кто такой капитан Расул, чем он знаменит и что это за история с бастардом и зинданом. Все понял? – Вызванный солдат кивнул и растворился в толпе.

– Остальные, по коням. Проведем рейд и посмотрим, куда мог уйти мальчишка.

Наемники быстро разобрали коней и через несколько минут полусотня на рысях выходила из города. Следы трех лошадей они нашли через полколокола. Пришпорив коней, полусотня понеслась по степи.

Они догнали юношу почти на закате. Увидев погоню, воин бросил поводья заводных коней и, развернувшись, помчался прямо на преследователей. Не ожидавшие такой наглости десятники опустили пики и пришпорили коней.

Убивать беглеца не входило в их планы, но юноша не знал этого и очертя голову бросился в бой. Очень скоро наемники убедились, что имеют дело не с простым бойцом, а с настоящим мастером боя. Виртуозное владение мечом, конем и собственным телом делало его практически неуязвимым.

Наконечники пик, направленные в коня, были срублены одним неуловимым движением. Следовавшая за десятниками пара воинов поплатилась головами. Старинный меч не знал пощады. Молодой мастер дрался, как настоящий демон. Наемники не выдержали.

Отступив, они попытались окружить бойца, но он в очередной раз прорвал кольцо воинов, убив еще троих. Один из наемников вскинул лук. В воздухе свистнула стрела и упала на землю, перечеркнутая яростным росчерком старинной бронзы и перерубленная пополам.

– Этот парень не человек! – хрипло крикнул один из наемников.

– Верно! – поддержал его другой.

– Так может драться только демон или берсерк.

– Кто? – переспросил десятник.

– Берсерк. Так называют бойцов одержимых демоном боя северные варвары.

– В таком случае, если он демон, пусть убирается в седьмой ад Хракуташа, – ответил самый старший из десятников и, помолчав, добавил:

– Мы возвращаемся в город.

– А что мы скажем сатрапу?

– Что он может проваливать туда же. Откровенно говоря, служба в этом городе мне лично давно уже перестала нравиться. С самого начала нас встретили как захватчиков, а не охрану. Даже дворцовые гвардейцы.

– Мне плевать, что мы будем делать дальше, но я должен посчитаться с этим сопляком! – прорычал один из наемников и, выхватив огромный двуручник, пришпорил коня.

– Эй, что это с ним?

– Парень убил его младшего брата. Боюсь, что Старк сейчас отправится к нему, – ответил на вопрос десятника седой ветеран и спокойно развернулся в сторону схватки.

Ал-Тор стоял на своем месте, ожидая дальнейших действий наемников. Расслабив плечи и руки, он спокойно давал вытекать напряжению боя. Разум юноши успокоился, и он пытался трезво оценить обстановку.

Увидев несущегося к нему наемника, юноша быстро спрыгнул с седла и, хлопнув лошадь по крупу, отогнал ее в сторону. Уперевшись ногами в землю, он вскинул меч и приготовился к схватке. Наемники, подчиняясь команде десятников, остались на своих местах, дав Старку встретиться с юношей лицом к лицу.

Наемник вскинул свой двуручник, намереваясь использовать объединенные скорость и вес лошади. Такой удар рассекал пополам верблюда. Приподнявшись в седле для увеличения размаха, он примерился и ударил.

Но стоявший перед ним юноша меньше всего напоминал меланхоличное животное. В тот момент, когда огромный меч начал опускаться ему на голову, он просто подскочил ближе к коню и резко взмахнул рукой. Шея лошади оказалась перерубленной.

Сделав по инерции еще несколько скачков, животное рухнуло на землю, сбросив наемника в пыль. Промах еще больше взбесил Старка, заставив его забыть все правила боя. Грязно ругаясь, он вскочил на ноги и, подхватив выроненный меч, бросился в бой.

Парировав несколько ударов наемника, Ал-Тор перешел в атаку, увеличивая скорость и меняя манеру боя. Его полуторник мелькал со скоростью змеи, рассекая воздух и норовя вонзиться в тело противника в самых неожиданных местах.

Отскочив назад, Старк проревел что-то нечленораздельное и, размахнувшись изо всех сил, нанес удар по плечу, норовя разрубить юношу пополам. Ал-Тору оставалось только одно. Жестко встретить оружие противника своим мечом. Увернуться или парировать удар по касательной он не успевал.

Раздался треск и жалобное дребезжание. Меч юноши переломился у самой рукояти. Старинная бронза не выдержала такого напряжения, предав своего последнего владельца. Но и для двуручника Старка наступила последняя минута. Старинный меч умер, как умирают настоящие бойцы, прихватив с собой своего убийцу.

Две трети клинка двуручника оказались на земле. Бренные останки оружия скрестились даже на земле, словно и после смерти пытались соперничать. Старк выругался и попытался достать противника обломком, оставшимся в руке.

Отбросив атакующую руку, Ал-Тор выхватил кинжал и молниеносно всадил его в живот наемнику. Захрипев, Старк медленно осел на землю, прижимая руки к животу. Подхватив с земли обломок клинка, юноша вскочил на коня и, развернувшись, помчался в степь.

Наемники даже не пытались преследовать его. Гибель Старка была только его собственной глупостью. Любой из солдат прекрасно осознавал, что он не противник этому мастеру клинка.

Ал-Тор гнал коней, смахивая с лица слезы потери. То, что наемники смогли догнать его, означало, что со старым капитаном и его добровольными помощниками покончено. Старый слуга тоже погиб. Это бесило юношу, но он отлично понимал, что сейчас у него нет возможности отомстить.

Он знал, что должно пройти время, и тогда он сможет вернуться, чтобы заставить сатрапа заплатить за все. Боль потери стальным обручем сдавила грудь, заставляя его гнать лошадей без остановок. Перепрыгивая из седла в седло на ходу, он менял лошадей и продолжал скачку.

Почти двое суток безумной гонки, и он выехал на холм, у подножия которого, на самой кромке леса стоял большой дом, обнесенный высоким забором. Добротные постройки и крепкие запоры ясно говорили, что живущие там готовы к неожиданностям, и незваных гостей будет ждать очень жесткий прием. Над высокой каминной трубой вился дымок, показывая, что дом обитаем.

Тряхнув поводьями, юноша направил усталых лошадей к дому. Его уже заметили. Ворота распахнулись и навстречу воину вышли двое ветеранов с арбалетами в руках. Отточенные до бритвенной остроты жала болтов смотрели прямо в грудь юноши.

Подъехав к воротам, Ал-Тор устало оперся на луку седла и, взглянув на ветеранов, тихо произнес:

- Все, друзья. Ваша служба окончена. Капитана Расула больше нет. Я остался один.
- Кто вы? – спросил один из ветеранов.
- Все в порядке, старина, – ответил второй.

– Я знаю его. Это ученик капитана.

– Скажите, мастер, вы уверены, что капитана больше нет?

– Да. Я уверен. Сатрап приказал схватить нас. Мы дрались. Капитан приказал бежать и ехать сюда. Потом меня догнали наемники. Я сражался, пока не сломал свой меч. Потом снова бежал. Теперь я здесь, – Ал-Тор поведал эту историю тихим, бесцветным голосом, понимая, что это последние в его жизни люди, которым он мог безоглядно доверять.

– Теперь решайте сами. Можете остаться, можете уйти, это вам решать.

– Нам некуда идти, мастер. А кроме того, вы не сможете жить здесь один, – ответил узнавший его ветеран.

– Сейчас мне нет до этого никакого дела. Если вам некуда идти, можете оставаться. Я буду только рад, – также тихо ответил юноша.

– Мастер, сойдите с коня. Для вас приготовлены термы. Мы ждали вас, – ответил ветеран, и, помолчав, тихо добавил: – Всех.

Ал-Тор молча кивнул и устало слез с коня. Отдав поводья слугам, он словно впал в забытие. В его сознании не укладывалось, что учителя больше нет. Что больше не будет совместных тренировок, что суровый голос больше не одернет его, когда он в очередной раз вздумает изменить движение или учудить что-то из танца чернокожих шаманов. Что больше он не усмехнется в седые усы над его шуткой и не подловит на какой-нибудь старый, но безотказный трюк.

Словно в полусне, он прошел следом за ветераном в термы и, раздевшись, погрузился в горячую воду. Не думая о том, что делает, он отмыл себя до скрипа и, выйдя, также молча уселся за стол. Жуя мясо, он не чувствовал вкуса, не понимал букета вина. Он просто присутствовал физически. На самом деле его здесь не было.

Ветераны молча убрали со стола и уселись по обе стороны от него. На столе оказались переметные сумы с заводной лошади. Ал-Тор молча распустил завязки и перевернул их, вываливая содержимое на стол.

Несколько свертков упали тихо, один же грохнулся со звуком упакованного железа. В другой суме лежали книги и свитки. Юноша медленно взял в руки сверток, размеры которого ясно говорили, что там книга.

Отбросив мягкую ткань, Ал-Тор увидел обложку из телячьей кожи, скрепленную по углам серебряными скрепами. Сама обложка застегивалась серебряной же застежкой. На светлой, чуть желтоватой коже был искусно оттиснен меч. Один из ветеранов тихо ахнул:

– Этого не может быть! Трактат об искусстве боя! Его считали утерянным еще двадцать лет назад. Многие отдали бы один глаз, чтобы вторым увидеть это чудо.

Ал-Тор молча положил книгу и взял другой сверток. Это была еще одна книга. Тоже по искусству боя, но теперь рукопашному. Это было то, чему его учил сам мастер. Умение сражаться с вооруженным противником голыми руками. Глядя на гравюры, на которых застыли в знакомых до боли позах мастера, юноша грустно улыбнулся и отложил книгу.

Взяв третий сверток, юноша развязал тесемки, и в руках у него оказалось несколько свитков с печатями. Медленно перебрав их, он развернул тот, на котором стояла печать старого капитана. Это было письмо Расула к нему. Положив свиток на стол, он начал читать его вслух. Это были последние слова, которые старик обращал к нему и к людям, оставшимся рядом.

– Сынок, это мое письмо поможет тебе многое понять и жить дальше. Я подобрал тебя много лет назад, увидев, что в тебе есть то, что я искал долгие годы. Ты рожден бойцом. Мне все равно, кто твои родители. Я не преследовал цели сделать из тебя мстителя. Наоборот. Я хотел увезти тебя подальше, в глушь. От людей и от тех, кто хоть что-то знает о твоём происхождении. Там, для всех ты был бы моим сыном, которого я так и не смог увидеть. Многое в моей жизни было не так. Но теперь я не жалею о прошедшем. У меня есть ты.

Я давно и тщательно готовился к этому переезду. Люди, которые встретили тебя, мои старые солдаты. Я доверяю им, и они не предадут. В этом я уверен. Дом был построен по моему

заказу. Там есть все, что нужно цивилизованному человеку. Я перевез всю свою библиотеку, коллекцию оружия – словом, все, что было мне дорого. Дом записан на твое второе имя. Ал-Тор. Ты полноправный хозяин этого дома и всей прилегающей земли.

В подвале сделан тайник. Там ты найдешь деньги и драгоценности твоей матери. Она передала их мне для тебя. Это все, что она могла сделать. Не осуждай ее. В сумке ты найдешь немного золота. Это на первое время. В дальнейшем ты можешь использовать деньги из тайника. Не торопись. В свое время я смог собрать немного камней. Запомни, они легче и дороже золота. Будь внимателен. Для продажи посылай одного из ветеранов. Они лучше знают, как действовать.

Теперь я хочу обратиться к своим старым соратникам. Друзья, мы многое повидали и на закате лет имеем полное право на достойную старость. Но наш сатрап так не считает. Он выбросил нас, как жестокий хозяин выбрасывает престарелых псов, не способных более справиться с волками. Ему было все равно, как и на что мы будем жить. Я собрал вас, зная каждого и надеясь, что вы будете также преданы моему сыну, как были преданы мне.

Я знаю, что вы не боитесь ни богов, ни демонов. Ваше слово было по-солдатски твердым, и я хочу верить, что у вас оно таким и осталось. Но клянусь своей душой, если что-то пойдет не так, я спрошу с каждого на том свете. Помогите ему, друзья. Это моя последняя просьба. Просьба человека, за которым вы много лет подряд шли в бой и на смерть и который не жалел собственной шкуры, чтобы спасти и вывести вас из боя если не целыми, то хотя бы живыми.

Ал-Тор, сынок, я прошу тебя, оставить этих людей рядом с собой. Дай им кров и покровительство. Будь справедливым владельцем. Их обездолили еще до твоего рождения. Так дай им уверенность в теплой и сытой старости, и они ответят тебе преданностью. За это я тебе ручаюсь.

И последнее. Отныне ты мой законный сын и наследник. Все, что у меня было, я передал тебе. Включая знания. Ты единственный, кого я научил всему, что умел сам. Я знал, что сатрап не даст нам спокойно уйти. Поэтому приготовился. Теперь этот дом – твое родовое гнездо, в котором ты будешь первым человеком, обучающим бойцов. Бойцов, способных на то, о чем многие только мечтают. Те два трактата, только незначительная часть всех секретов, заключенных в других книгах. Их ты найдешь в библиотеке. Не стремись к славе. Пусть твои ученики будут лучшими, но никогда не рассказывают о месте, где учились. Находи учеников сам. Пусть это будет один, но лучший. И еще. Постарайся продолжить наш род. Я не хочу, чтобы наше имя и знания умерли. Это все. Будь счастлив, сынок.

В самом низу, стояла подпись, скрепленная личной печатью капитана. На алом воске четко отпечатались рисунок двух перекрещенных мечей странной формы.

– Расул, прямой кончар, – тихо прочитал один из ветеранов.

– Граф Босте, барон Хакас-Карибский, по прозвищу Прямой Кончар. – Продолжил другой и тихо добавил: – Это было его любимое оружие. Прямой меч-кончар. Потому мы так и прозвали его.

Медленно встав, ветераны церемонно поклонились и, выпрямившись, обнажили кинжалы. Это было не обычное оружие. Боевые крисы с пламевидными клинками, которые временно служили и гардой. Искривленные рукояти позволяли держать их в самой неожиданной хватке.

Обнажив левые руки, ветераны порезали кожу и, дав крови стечь в подставленную чашу, смешали ее, протянув чашу юноше и произнося слова кровной клятвы. Взяв чашу, Ал-Тор, тоже порезал руку и, добавив свою кровь к уже бывшей в чаше, ответил ритуальными словами, после чего пригубил чашу. Воины клялись:

– Кровью вен своих, душой и духом бессмертным клянусь служить и почитать командира и властелина своего, давшего мне кров и хлеб, разделившего со мной чашу клятвы и обещавшего заботиться обо мне до самой моей могилы.

На что юноша отвечал:

– Кровью вен своих, душой и духом бессмертным клянусь заботиться о нуждах воинов моих, давших мне помощь, силу и служение свое, до самой могилы моей.

Откуда пришла эта клятва, не знал никто. Но эти слова пришли из глубины веков. Так клялись воины клана, избирая вождя. Так клялись гвардейцы, выбирая капитана. Указ сатрапа был не более, чем формальность. Гвардейцы сами выбирали своего командира и следовали его командам слепо, без оговорок и возражений. Они были элитой, и они были единственными, кто мог так поступать. Ведь именно они отдавали свои жизни в мирное время, спасая властелинов.

Исполнив ритуал, юноша без сил рухнул на стул. Прижав к груди письмо учителя, он опустил голову на стол и заплакал. Он плакал, не стыдясь своих ветеранов, ибо с этой минуты они принадлежали друг другу. Плакал страшно, сухо, без слез. Как умеют плакать только очень сильные духом мужчины. Горе жгло и билось в груди, разрывая сердце и заставляя его биться все быстрее.

Ветераны переглянулись и осторожно подняли юношу. Проводив его в спальню, они уложили Ал-Тора на кровать и тихо вышли, оставив его наедине со своим горем. Старики хорошо понимали, что творится на душе юноши, и не хотели мешать. Это можно было только пережить. Время – великий лекарь. Только оно могло помочь юноше пережить эту боль.

* * *

Спустя шесть лет после описанных выше событий в степи заговорили о банде разбойников, нападавших на караваны и уничтожавших все живое. На лысую голову сатрапа посыпались жалобы от купеческих старшин и караванщиков, требовавших очистить степь от бандитов.

Но спившийся владыка уже не имел реальной власти. Всем во дворце заправлял старший советник, собравший в своих руках всю власть и не собиравшийся отдавать ее просто так. Его, как никого другого, устраивало такое положение вещей. Он докладывал сатрапу, добивался аудиенций, передавал прошения, но решение так и не принималось.

Советнику оставалось только выдержать последний натиск купцов, и доведенные до отчаяния, они сами решат, кому должна принадлежать власть в сатрапии. Оставалось только отправить в столицу караван с налогами и получить подтверждение от императора. Но этого не произошло.

Караван-баши стали просто обходить город, держась подальше от опасных мест. Над городом возникла угроза голода и изоляции. Это никак не устраивало хитрого вельможу, и он решился на отчаянный шаг.

В степь были отправлены войска. Наемники, которым посулили большую награду в золоте за каждую отрубленную голову бандита. Воодушевленные такими посулами, воины ринулись в степь, сметая с лица земли все, что попадалось им на глаза. Но это стало их ошибкой.

Вместе с несколькими мелкими бандами, были убиты и солидные люди. Купцы, возвращавшиеся из дальних путешествий. Узнав о роковой ошибке, вельможа перепугался и, сказавшись больным, заперся в своем доме, не отвечая даже на отчаянные призывы сатрапа.

Наемники, поубавив рвения, принялись добросовестно прочесывать степь, надеясь найти хоть какой-то след банды. На двадцатый день бесплодных поисков десятков, высланный в авангард, наткнулся на странный поселок.

У кромки леса возвышался трехэтажный каменный дом, обнесенный высокой, крепкой оградой. Вокруг намного перелетов стрелы были видны возделанные поля. За этой оградой явно жило немало людей. Подъехав ближе, наемники разглядели, что ограда, это почти городская стена, сложенная из камней по всем правилам фортификации.

Здесь были и башенки, и бойницы и подъемный мост. Фактически это была крепость. Маленькая, но очень твердо и решительно охраняемая старыми ветеранами. Именно они встретили десяток с арбалетами в руках, ясно давая понять, что приезжим здесь не очень рады.

Оценив реальность угрозы, десятник сделал руками жест, говорящий о мирных намерениях, и, подъехав ближе, спросил:

– Эй, старики! Чья это земля?

– А кто спрашивает? – раздался в ответ вопрос одного из ветеранов.

– Я десятник наемной сотни армии Кортеса. Так, чья это земля?

– Нашего мастера.

– Я понимаю, что не ваша. Чья именно?

– Графа Босте, барона Хакас-Карибского, по прозвищу Бастард. – Раздался голос Ал-Тора, и на стене появился он сам.

– Я бы не стал гордиться таким прозвищем, – рассмеялся десятник.

– Ты и не будешь им гордиться, мерзавец, – резко ответил Ал-Тор, с ненавистью глядя на наемников.

– Эй, я тебя знаю! – воскликнул десятник, присмотревшись к говорившему.

– Ты тот самый парень, который шесть лет назад вырвался с арены, уложив половину наших парней.

– Ты прав, десятник. Это я. В тот день вы убили моего учителя. Этого я вам никогда не забуду. Так что у вас есть только один выход. Убить меня. Иначе вы отсюда не уйдете. Вы знаете, что делать, – добавил он, повернувшись к стрелкам.

Арбалетчики одним четким движением вскинули оружие, и наемники замерли, понимая, что любое движение будет для них смертельным. Старый десятник оказался не робким человеком и, не желая глупой гибели своих людей, сделал попытку покончить дело миром.

– Эй, уважаемый. Мы приехали сюда не воевать. У нас другой приказ. Мы ищем банду разбойников, нападающих на караваны, и сюда мы пришли, чтобы предупредить вас, а не драться. Нам нет дела до ваших разборок с сатрапом.

Ал-Тор уже решил было отпустить их, когда один из молодых и бестолковых солдат испортил десятнику все дело.

– Командир! – воскликнул он, подъезжая к десятнику. – Чего тут долго разговаривать? Убьем этого хвастуна и дело с концом. Глядишь, в их сундуках и золотишко найдется!

– Идиот! – прошипел десятник, но было поздно.

– Вот вы и показали свое истинное лицо, наемники. Теперь вам осталось только драться, – зло усмехнулся Ал-Тор и сделал знак охранникам.

Негромко заработал хорошо смазанный ворот, и подъемный мост начал опускаться. Десятник повернулся к молодому солдату и с размаху влепил ему затрепину.

– Наши смерти будут на твоей совести, болван.

– Но он же один! – растерянно ответил солдат.

– Этот один стоит двух таких десятков, как наш. Я видел его в деле. Таких воинов больше нет. Теперь нам осталось только молиться.

– Да я его сам прибью, – разозлился молодой и обнажил секиру.

– Попробуй, кретин, – зло ответил десятник и, обернувшись к остальным, скомандовал:

– Никому не двигаться. Пусть он сам попробует. Я постараюсь увести вас без потерь.

Наемникам не очень понравился этот приказ, они не привыкли бросать друг друга на произвол судьбы. Но это был приказ. Тем более что угроза была не шуточной, и откупиться смертью одного глупца ради жизни остальных не казалось таким уж страшным.

Тем временем мост опустился, и хозяин маленького замка оказался перед отрядом. В руке он сжимал прямой кончар, положив другую на кинжал. Шагнув на уложенную плоским

камнем площадку перед въездом, он встал и обвел наемников внимательным, суровым взглядом зеленых глаз.

Опытные, закаленные во многих переделках воины поежились под этим странным, хищным взглядом, словно перед ними был не человек, а смертельно опасный зверь, готовый разорвать их в клочья.

Повинуясь приказу, наемники остались на своих местах, внимательно следя за каждым движением мужчины. Ал-Тор перевел взгляд на выехавшего вперед наемника с секирой в руках. Тот остался в седле, ожидая, что этот странный одиночка бросится в драку первым, но он стоял, словно и не собирался нападать.

Его спокойствие было сродни издевательству. Нервы наемника не выдержали этого противостояния. Бешено закричав, он вскинул секиру и прищипил коня, решив покончить с наглецом одним ударом.

Ал-Тор оставался на месте до последнего. Только когда занесенная секира начала свой жуткий полет в его сторону, он сделал первое и последнее движение. Плавное, словно нехотя, шагнув в сторону, он проскользнул под самой мордой коня и взмахнул мечом.

Отточенная до бритвенной остроты сталь разрезала кольчугу и кожаный подкольчужник, словно пергамент. Хрипло вскрикнув, наемник схватился за распоротый бок и медленно сполз с остановившегося коня. Прижимая руку к ране, он вскинул секиру и снова пошел в атаку.

Ал-Тор подпустил противника вплотную и, дав ему возможность размахнуться, сработал на опережение. Меч свистнул в воздухе, яростным высверком перечеркнув горло врага. Наемник по инерции сделал шаг вперед и продолжил замах. Но это уже было движение мертвеца. Его шаг нарушил равновесие, и отрубленная голова скатилась с плеч, глухо стукнув о камень. Брызнула кровь, заливая все вокруг, и тело, конвульсивно дернувшись, рухнуло к ногам Ал-Тора.

– Два удара, – громко констатировал десятник.

– Только два удара тебе потребовалось, чтобы показать всем свое мастерство. При этом ты даже не пытался показать то, что умеешь. А умеешь ты многое. Это я запомнил еще в тот день. На арене. Ты наказал болтуна. Позволь нам уехать. Я не хочу потерять своих людей просто так, только потому, что мы выполняли несправедливый приказ, не зная, на кого идем.

– Что ты хочешь сказать? – резко спросил Ал-Тор.

– После того как ты скрылся в степи, мы вернулись в город. Еще перед выездом мы отправили человека с заданием, узнать, кто такой капитан Расул. Он узнал. Скажу честно, нам было стыдно, что нашими руками был убит такой солдат.

– Что стало с телом? – глухо спросил Ал-Тор.

– Мы похоронили его как солдата. Огонь очистил его душу, а у кострища трое суток стоял караул. Это все, что мы могли сделать.

– Вы поступили честно. Если это правда.

– Это правда, или пусть мой меч сломается в первом же выпаде. Мы не могли только объявить траур, как положено делать, когда умирает благородный.

– Этого не нужно. Вы сделали правильно. Он был воином и погиб как воин, с оружием в руках. Раз ты клянешься, что твои слова правда, я отпущу вас. В память о нем. Но запомните все. Никто не должен знать, где находится мой новый дом. Вы готовы дать в том кровавую клятву?

Десятник молча достал кинжал и надрезал ладонь. Наемники повторили его жест, поклявшись своей кровью, что никто не узнает, кто живет в этих местах. Ал-Тор молча кивнул и убрал меч в ножны.

– Вы можете уходить.

– Спасибо, мастер, – неожиданно поклонился десятник.

– Если захочешь побывать на могиле капитана, дай знать в казармы наемников. Я десятник Вагаз. Найди меня, и я помогу тебе попасть в город и отдать последнюю дань мастеру.

– Спасибо, десятник. Я запомню твои слова, – коротко ответил воин, метнув в наемника острый, как клинок, взгляд.

Вздвигнув от этого взгляда, десятник отдал команду, и наемники, слаженно развернув коней, понеслись по степи в сторону основного отряда. Глядя вслед удаляющимся всадникам, Ал-Тор тихо прошептал:

– Надеюсь, ты не заставишь меня пожалеть о своей доброте, десятник Вагаз. – И повернувшись, вернулся во двор.

Старые ветераны моментально окружили его, наперебой хваля и ругая. Одни – за мастерство, другие – за ненужный риск. Молча обведя взглядом знакомые лица, воин неожиданно спросил:

– Кто-нибудь может посоветовать мне хорошего кузнеца? Мне нужен человек, способный выковать клинок, прочность которого была бы неповторимой. – Услышав его вопрос, все неожиданно замолчали, обдумывая ответ.

Один за другим ветераны отрицательно качали головами, не понимая, зачем ему потребовался такой кузнец. Видя, что никто не может ответить на его вопрос, Ал-Тор досадливо закусил губу и, отвернувшись, молча направился в дом. Переглянувшись, ветераны последовали за ним.

Пройдя по коридорам, Ал-Тор вошел в оружейную и прямоком направился к подставке красного дерева, обитой синим бархатом. На плоской поверхности лежали обломки старинного меча, выкованного из черной бронзы.

Опустив ладонь на рукоять, воин глубоко вздохнул и тихо проговорил:

– Прости, мастер. Видят боги, я очень хочу восстановить твой подарок, но никто не знает человека, способного это сделать.

Услышав его слова, ветераны зашептались, сообразив, зачем ему кузнец. Неожиданно их тихий спор был прерван громкой фразой одного из старейших солдат.

– А я говорю, пусть съездит. Устоз Разман может это сделать. Если он откажется, то никто не сможет.

– Но он сумасшедший!

– И что? Мы все такие, – горячо возразил старик. На подобное заявление возразить было нечего, и ветераны замолчали, неодобрительно поглядывая на старика. Ал-Тор быстро подошел к нему и, заглянув в глаза, спросил:

– О ком ты говорил?

– Есть один кузнец. Но он со странностями.

– Расскажи, – попросил воин.

– Некоторые называют его колдуном, некоторые сумасшедшим. Он никогда не делал двух одинаковых вещей. Может отказаться от очень большого заказа и месяц возиться с каким-нибудь секачом. Ему все равно, кто заказчик. Он берет заказ в том случае, если человеку вещь действительно необходима.

Воин задумался и медленно проговорил:

– Что ж, если сумасшедший кузнец откажется выковать для ублюдка бастард, значит, этого не станет делать ни один человек. – И помолчав, спросил: – Где его найти?

– В двух караванных переходах от деревни Козгар, если идти на север, есть перевал, Лошадиная Голова. На склоне горы, у ручья и стоит его дом.

– Хорошо. Приготовьте коня. Я еду на север, – приказал Ал-Тор.

– Мастер, вы не поедете один, – возразил кто-то из ветеранов.

– Мы уже потеряли одного командира. И не хотим потерять другого. С вами поедет десяток Салеха. И не спорьте.

Ал-Тор недоуменно переводил взгляд с одного на другого, отказываясь понимать, что от него хотят.

– Мы дали клятву, что будем служить вам. И мы будем служить. То, что вам дали выйти одному против десятка, еще не значит, что мы отпустим вас одного к какому-то ненормальному.

– Я, по-вашему, беспомощный ребенок? – растерянно спросил Ал-Тор.

– Нет. Но мы будем рядом, и вы от нас не избавитесь. В дороге может случиться всякое. Мы просто будем рядом.

– Иблис с вами. Поехали, – рассмеялся Ал-Тор, махнув рукой. – Если и есть здесь ненормальные, так это только мы с вами, – продолжил он, и ветераны дружно рассмеялись.

Спустя несколько часов десяток во главе с Ал-Тором мчался по степи на север. Кавалькада шла одвуконь, сменяя коней каждые несколько лиг. Все были вооружены и одеты в доспех. На луках седел висели арбалеты, а переметные сумы были полны припасов. На ночлег встали, только когда солнце почти опустилось за горизонт.

Быстро стреножив коней, ветераны развели костры, и над степью поплыли упоительные запахи простой, но сытной солдатской еды. Привычные к походной жизни, ветераны успели сделать все настолько быстро и ловко, что молодому воину оставалось только удивляться и разводить руками.

Ветераны ловко и ненавязчиво оттирали его от любого дела, не давая что-либо сделать. Когда сообразивший, что к чему, воин попытался возразить, ветераны только развели руками и сделали непонимающие лица.

Десятник Салех, лукаво улыбаясь в усы, тихо поведал Ал-Тору, что все эти дела его не касаются. А когда Ал-Тор попытался возразить, серьезно ответил:

– Ваше дело – позаботиться обо всех нас. Если не станет вас, пропадем и мы. Помните, у нас нет ничего. Мы живем на вашей земле и едим ваш хлеб.

– Но ведь работаете на полях вы, значит, и хлеб ваш, – возразил воин.

– Нет. Земля ваша. Значит, и хлеб ваш. Вы можете просто купить рабов, а нам показать на порог. Так что не спорьте и не злитесь, мастер, а просто примите это все как должное.

Молодому воину осталось только махнуть рукой и последовать данному совету.

С рассветом отряд помчался дальше. Отдохнувшие за ночь лошади быстро несли всадников в сторону искомой деревни. Весь путь до перевала занял у них всего четыре дня.

Сделав последнюю ночевку у подножия горы, они поднялись с первыми лучами солнца и, не тратя времени на готовку, оседлали коней. На ходу жуя куски сушеного мяса, они направили коней по дороге, ведущей к перевалу.

Несколько поворотов по дороге, больше напоминающей козью тропу, и отряд выехал на плато, покрытое редким сосновым лесом. От опушки в сторону степи тянулся ручей, наискосок пересекавший плато. На берегу ручья стоял деревянный дом, сложенный из стволов вековых сосен, больше напоминающий крепость. Кузница была поставлена в стороне от хозяйственных построек.

Окинув отрывшуюся картину быстрым взглядом, Ал-Тор оценил грамотное устройство дома. Чувствовалось, что кузнец строил все капитально и надолго. Переглянувшись с ветеранами, Ал-Тор негромко скомандовал:

– Поехали. Но запомните, говорить с ним буду я. Чтобы не пугать их, останьтесь в пол-полета стрелы от дома. Ждите меня. И главное, чтобы ни случилось, не пытайтесь угрожать. Это не поможет.

Ветераны молча кивнули и тронули коней.

Их явно увидели. Из дома выскочил мальчишка и сломя голову бросился в кузницу. Это вызвало легкую улыбку воинов. Что могли сделать несколько домочадцев и учеников против

хорошо вооруженных солдат? Но их улыбки сменились недоуменными ухмылками, когда на порог кузницы вышел сам хозяин.

Огромный, кряжистый, заросший черным густым волосом по самые глаза, с руками, больше напоминавшими лопаты, внешне он больше напоминал вставшего на задние лапы матерого медведя. Глянув из-под ладони на приближающихся всадников, он что-то сказал мальчику, и тот понесся обратно в дом.

Доехав до оговоренной черты, ветераны отстали, а воин продолжил движение. Подъехав к кузнице, Ал-Тор спрыгнул с коня и, бросив поводья, шагнул к кузнецу.

– Здравствуй, устоз, – спокойно поздоровался он, вежливо склонив голову.

– Здравствуй и ты, воин. Что за нужда у тебя, если ты решился найти меня?

– Не буду лукавить, устоз Разман. Есть у меня нужда. Я ищу мастера, способного сделать клинок, не имеющий равного по своей прочности и необычных размеров.

– И кто же тебе посоветовал обратиться ко мне? – прогудел кузнец.

– Один из моих ветеранов.

– Твоих? – удивленно спросил кузнец, недоверчиво посмотрев на молодого воина.

– Моих, устоз. Так сложилось. Это долгая история. Но ты можешь убедиться сам. Любому из тех, кто приехал со мной, я гоюсь в сыновья, – улыбнулся Ал-Тор.

– Ладно. Об этом поговорим позже. Что за меч тебе нужен?

– Я покажу, – ответил воин и, шагнув к лошади, достал из седельной сумки сверток.

Осторожно развернув материю, Ал-Тор молча показал мастеру обломки. Благоговейно взяв в руки клинок, кузнец нежно погладил металл грубой, обожженной ладонью и тихо спросил:

– Откуда он у тебя?

– Это подарок моего учителя.

– Я знаю этот клинок, – проговорил кузнец, и неожиданно голос его сорвался. Взяв в руки рукоять, он внимательно осмотрел гарду и, показывая огромным пальцем на клеймо, продолжил:

– Я не ошибся. Это его клеймо. Скажи честно, как к тебе попал этот меч?

– Я уже сказал. Это подарок.

– А как он попал к твоему учителю?

– Память о погибшем друге. Я не смог сохранить его в целости. Поэтому хочу, чтобы ты выковал клинок под эту рукоять. Так он всегда будет со мной.

– Это не обычное оружие. Знаешь, как его называют?

– Знаю, устоз. Мы с ним тезки, – усмехнулся Ал-Тор.

Услышав эти слова, кузнец растерянно посмотрел на воина и покачал головой, внимательно оценивая статью бойца. Убедившись, что все сказанное не шутка, он недоуменно спросил:

– Ты так легко об этом говоришь?

– А что, по-твоему, я должен делать? Родителей не выбирают. Поэтому у меня три имени. Одно дано при рождении ради всеобщего спокойствия. Другое дано материю в честь бога воинов и ради его покровительства. И третье – имя моего учителя и приемного отца. Самое дорогое для меня, хотя, на мой вкус, несколько пышноовато.

– Не много ли для одного человека? Тем более такого молодого? – усмехнулся кузнец.

– Нет. Да и какое это имеет значение? Я здесь по делу. Так ты готов взяться за работу?

– Не знаю, – честно ответил мастер и, пожав могучими плечами, продолжил: – Я проголодался. Пойдем в дом. Пообедаем и поговорим. А там будет видно.

– Хорошо. Я только сообщу своим людям. Они тоже не ели с самого утра. – Кивнул Ал-Тор и, повернувшись, направился к десятку, ведя лошадь под уздцы. Одобрительно кивнув, кузнец остался стоять на своем месте, держа в руках обломки странного меча и внима-

тельно наблюдая, как воин передал коня солдатам и, отдав несколько распоряжений, направился обратно.

Чуть усмехнувшись, кузнец снова кивнул и сделал пришельцу знак следовать в дом. Все так же молча воин направился за хозяином. Кузнец толкнул широкую, под стать себе, дверь и шагнул в большую, светлую комнату.

Домашние кузнеца молодого воина встретили с молчаливой настороженностью. Только жена мастера, молодая, улыбочивая женщина с толстенной каштановой косой, одетая в домо-тканую юбку и красиво расшитую цветами блузу, смотрела на него с интересом. Ей явно было занято, откуда взялся этот молодой воин со странными, кошачьими глазами.

Вежливо поклонившись, воин расстегнул серебряную фибулу плаща и отложил его в сторону. Меч он отдал ветеранам, оставив при себе только кинжал. Такое поведение яснее всех слов говорило о мирных намерениях пришельца.

Кузнец представил жену, и воин склонил голову, назвавшись своим настоящим именем. Услышав его, Карен удивленно раскрыла глаза. Кузнец, не ожидавший такой реакции, раздосадованно крикнул. Он и сам не ожидал услышать такое.

– Странное имя. Что оно означает? – спросила Карен, не обращая внимания на реакцию мужа.

– Ал-Тор. Посвященный Тору, – перевел свое имя воин.

– А кто такой Тор? – не унималась женщина.

– Северный бог воинов, ремесленников и путешественников, – чуть улыбнувшись, ответил воин.

– Вы северянин? – продолжала расспрашивать она.

– Наполовину, – ответил он, глянув ей прямо в глаза. От такого признания женщина смутилась и быстро отвела взгляд.

– Карен. Хватит вопросов. Ты не из канцелярии тайных дел, – прогудел кузнец, и женщина смутилась еще больше. Чуть покраснев и опустив голову, она быстро проговорила:

– Простите, мастер.

– Ничего. Я уже привык, что люди так реагируют на мои имя и внешность, – кивнул Ал-Тор и повернулся к кузнецу, ожидая его дальнейшего решения.

Могучий мужчина молча указал гостю на табурет. Усевшись, гость молча и внимательно принялся осматривать комнату. Вся мебель была сделана вручную, грубовато, но с любовью и добротой. Чувствовалось, что кузнец делал все сам. Именно это и расположило воина к мастеру.

Видя, что молчание затягивается, а гость не собирается его нарушать, кузнец откашлялся и спросил:

– Скажи, воин. Кто именно направил тебя ко мне?

– Как я уже сказал, в моем отряде есть ветеран, который знает о тебе. Он и подсказал, что ты можешь взяться за такую работу.

– Небось говорил, что я со странностями? И сумасшедшим называл? – усмехнулся мастер.

Ал-Тор несколько растерялся, не желая обижать кузнеца, но, подумав, утвердительно кивнул головой. Увидев его жест, жена мастера возмущенно фыркнула, а сам мастер, хлопнув огромной ладонью по столу, гулко расхохотался. От его заразительного, честного смеха зазвела посуда на полках. Удивленно посмотрев на мастера, воин тоже улыбнулся.

– Молодец! – пророкотал кузнец. – Молодец, что не соврал. Если бы попытался обмануть, выгнал бы тебя, а так давай поговорим.

– Я уже все сказал, устоз. Мне нужен меч. Меч, по прочности которому не было бы равных. И с рукоятью от того меча.

– Ты знаешь, кто сделал тот меч?

– Нет. Расскажи.

– Этот человек учил еще моего деда. Тогда люди еще не умели обрабатывать сталь. Его мечи покупали за ту цену, которую он назначал. Не торгуясь. Именно его клеймо стоит на гарде твоего меча.

– Ты уверен в этом?

– Да. Уверен. В этом я уверен так же, как в том, что меня зовут Сумасшедший Разман.

– Прости, устоз, но почему сумасшедший? По-моему, ты не более сумасшедший, чем мы все. Я видел людей, еще более странных, но ни кто не называл их сумасшедшими.

– Все просто, воин. Я хороший мастер, но я беру заказы далеко не от каждого. Как потвоему, почему я живу в этой глуши?

– Чтобы сохранить свои секреты. Вozить сырье близко, опять же вода рядом. Ручей.

– Это все верно. Но не только поэтому. Ко мне приходили богачи с заказами на вещи, делать которые я не хотел. Они и пустили славу о моем сумасшествии. А здесь спокойно. Сюда приходят люди, которым действительно что-то нужно. Не каждый решится на такую дорогу только для удовлетворения своих прихотей.

– Значит, все, что о тебе говорят, просто слухи?

– Не совсем. Я не беру работу, если она или заказчик мне не по нраву.

– А как тебе мой заказ?

– Я еще не решил. Но я и не отказался, – быстро добавил кузнец, увидев, что воин сделал жест, словно собирается подняться. Ал-Тор опустился на место и внимательно посмотрел на кузнеца.

– Прости, устоз, но я не совсем понимаю тебя.

– А что тут непонятного?

– Ты не гонишь, но и не берешься за работу. Чего ты выжидаешь?

– А ты куда-то торопишься?

– Я не один. Со мной приехали люди, и я не могу оставить их на улице.

– Ты сам говорил, что они солдаты. А значит, привычны к походной жизни.

– Это верно, но они старики, и ночевки у костра уже не для них.

– Отправь их обратно.

– Они не уедут.

– Почему?

– Спроси у них сам, – угрюмо ответил воин.

– Что ж, спрошу, – усмехнулся устоз и запустил ложку в густую, горячую похлебку с бараниной.

Беседа прервалась. Все присутствующие молча отдавали должное искусству хозяйки. Похлебка и пресные лепешки были сметены со стола в одно мгновение. Похлебку сменил огромный противень с жареным мясом, обильно приправленным луком и зеленью. Было удивительно, как крохотная хозяйка умудрилась снять эту громадину с жаровни.

Пряное жаркое вызывало в желудках обедавших пожар, который они тут же тушили потоками холодного домашнего вина. Насытившись, Ал-Тор откинулся спиной на стену и с трудом вздохнул. У него сложилось впечатление, что он готов лопнуть от первого же неверного движения.

– Неплохо, воин, – одобрительно усмехнулся мастер. – Совсем чуть-чуть до меня не дотянул.

– Ну, до тебя мне очень далеко, – чуть улынулся воин.

– Не так уж и очень, – рассмеялся кузнец. – Ладно, парень. Ты мне нравишься. Я берусь за твое дело. Откровенно говоря, мне давно хотелось сделать такой меч. Заготовки у меня есть, осталась только проковка и закалка. Но это работа не одного дня.

– Я знаю. Раз ты берешься за работу, то моим людям нет смысла торчать здесь. Я отправлю их домой. Надеюсь, у тебя найдется в конюшне свободное стойло?

– Зачем? – не сообразил кузнец.

– Должен же я где-то ночевать.

– А при чем здесь конюшня? Обидеть меня хочешь? – неожиданно насутился кузнец.

– Нет, устоз. Обижать я тебя не собираюсь. Но и мешать не хочу...

– Дом этот построен надолго и с таким расчетом, что людям, пришедшим по делу, отводится гостевая комната. А мешать ты мне просто не можешь, – перебил кузнец Ал-Тора.

– Почему? – не понял воин.

– Да потому, что в эти комнаты вход отдельный, – прогремел кузнец и, хлопнув ладонью по столу, закончил: – Решено. Отправляй людей и устраивайся. Завтра на рассвете начнем.

Молча кивнув, Ал-Тор встал и вышел на улицу. Переговорив с ветеранами, он убедил их вернуться домой, пообещав прислать голубя, когда придет время возвращаться. Поворчав, ветераны быстро свернули лагерь и, оставив ему клетку с голубями, рысью тронулись в обратный путь.

Проводив их взглядом, Ал-Тор направился обратно к кузнице. Устоз стоял на пороге дома, внимательно наблюдая за происходящим. Дождавшись, когда воин подойдет поближе, кузнец одобрительно кивнул и прогудел:

– Я смотрю у вас все поставлено как в хорошем отряде. Дисциплина и порядок военные.

– Они все ветераны. Всю жизнь отдали службе, а, выйдя в отставку, оказались никому не нужны. Мой учитель был их командиром много лет подряд и, уйдя со службы, построил дом почти на самой границе сатрапии, отправив их всех туда. Так они все оказались вроде как и при службе, и с крышей над головой. Кто-то несет караульную службу, кто-то работает на земле. Дел хватает.

– Как звали твоего учителя?

– В Кортесе его все знали как капитана Расула.

– Что-о! – завопил кузнец. От этого рева у Ал-Тора заложил уши. Потряса головой, чтобы унять звон, воин недоуменно посмотрел на кузнеца.

– Ты сказал, что учился у Расула?!

– Да. А что такое?

– Да что же ты сразу не сказал?!

– А что бы изменилось?

– Многое. Ладно. Может, это и неплохо. Главное, что я узнал это. Остальное теперь неважно.

– Прости, устоз, но я не понимаю тебя.

– Потом объясню, – отмахнулся кузнец и, развернувшись, шагнул в дом.

Последующие четыре дня устоз провел в постах и молитвах, сохраняя силы и чистоту духа для работы. На пятый день, поднявшись раньше солнца, кузнец разбудил Ал-Тора и потихоньку, стараясь никого не разбудить, вышел из дома.

Быстро умывшись, воин последовал за хозяином. Кузнец уже вовсю гремел железом, приготовленным для переплавки, и заготовками. Перерыв почти всю кладовую, он остановился и, хлопнув себя огромной ладонью по лбу, направился в другую комнату.

Откинув крышку огромного, больше напоминавшего лежанку сундука, кузнец извлек на свет бруски стали, железа и еще чего-то непонятного. Перенеся все это в кузницу, он рыкнул на Ал-Тора, заставив его быстро спрятаться в уголке, и начал расставлять свечи вокруг печи, в которой варили сталь.

Начертив на полу пентаграмму и расставив свечи, мастер принялся загружать печь углем. Потом заложил в нее все принесенное, соблюдая определенный порядок и вполголоса читая молитву. Взяв факел, он зажег свечи и печь.

Закрыв жерло печи тяжелой заслонкой, он повернулся к воину и, утерев пот, тихо сказал:
– Теперь осталось только ждать. Запомни, к углю и всему, что мне потребуется, не должен прикасаться никто, кроме тебя.

– Если не секрет, мастер, почему я?

– Меч куется для тебя. А теперь наберись терпения и не задавай вопросов. С этой минуты сюда никто не войдет. Три дня я буду поддерживать огонь и варить сталь. Ты будешь приносить уголь и воду. Есть нам нельзя. И еще. О том, что ты здесь увидишь, никому ни слова.

– Как скажешь, устоз.

– Нет. Ты должен поклясться. На крови.

– Хорошо.

– Возьми на полке чашу и налей в нее своей крови, – сурово проговорил мастер.

Кивнув, Ал-Тор повернулся, осматривая стены и ища названное. В дальнем углу была приколочена длинная полка, на которой в идеальном порядке были разложены чаши, бутылки и флаконы. Пометок на них не было, но каждый предмет был не похож на другой, и мастер явно знал назначение каждого.

Взяв крохотную чашу, Ал-Тор вытащил кинжал и, не дрогнув, порезал себе руку. Нацедив почти полную чашу, он вопросительно посмотрел на кузнеца. Одобрительно кивнув, мастер указал ему место, куда воин должен поставить чашу.

Прошептав очередную молитву, он взял чашу в руки и начал другую, одновременно отодвигая заслонку. Медленно и торжественно вылив кровь на разогретое железо, он внимательно посмотрел на результат и, кивнув, закрыл печь. Потом, повернувшись, проговорил:

– Поклянись своей кровью, что даже под пытками ты не произнесешь ни слова о том, что увидел здесь.

– Клянусь, мастер, – коротко ответил Ал-Тор.

– Хорошо, – кивнул мастер.

– Огонь принял твою кровь. Значит, у нас все должно получиться. Но запомни, если ты нарушишь свою клятву, меч откажется от тебя. Ты веришь мне?

– Да, мастер.

– Хорошо. Ибо без веры нет связи, а без связи нет единства духа воина и его меча.

– Может быть, именно поэтому сломался тот меч? – задумчиво проговорил воин.

– Нет. Тот меч просто устал. Он был слишком стар. Кроме того, он не из этой эпохи...

– Прости, устоз, но что меч может знать об эпохах?

– Ты не прав, воин. Меч – живое существо. У него есть душа. Есть воля.

– Тогда почему он оставил меня? Почему не дал сразиться и отомстить за смерть моего учителя? Когда мастер подарил его мне, мы были счастливы. Я чувствовал его. Это было сродни единению. А потом, когда мастера не стало, он подвел меня, – задумчиво проговорил воин.

– Он не подводил тебя. Он спас тебя.

– ?

– Да. Спас. Если бы он не сломался, ты продолжал бы драться до последнего. И, скорее всего, погиб. Он не допустил этого. Именно поэтому он и сломался. Ты сделал правильно, когда подобрал обломки. Они пойдут в печь и смешаются с тем металлом, который я варю. Духи воинов, которые отдали свою кровь для создания того клинка, войдут в новый клинок и помогут тебе в любой схватке. – Неожиданно замолчав, кузнец внимательно посмотрел в светящееся окно.

– Сходи за старым клинком. Пора, – скомандовал он, и Ал-Тор стремительно выскочил из кузницы. Спустя минуту он вернулся обратно, неся в руках сверток с обломками. В очередной раз кивнув, кузнец забрал меч и принялся разбирать его. Свинтив яблоко, он снял рукоять и

гарду. Отложив их в сторону, он открыл заслонку и, читая молитву, медленно опустил обломки в печь.

Не переступая пентаграмму, Ал-Тор внимательно наблюдал за происходящим. В момент, когда сломанный клинок опустился на почти раскаленный металл, ему показалось, что по обломкам пробежали сполохи голубого пламени, и старинная бронза словно засветилась изнутри. Одобрительно кивнув в очередной раз, кузнец обернулся к воину.

– Он и вправду принял тебя, воин. Он принял твою кровь, твой дух. Значит, у нас все получится, – улыбнулся мастер и присел на табурет.

Ал-Тор, глядя на него, опустился на стоявший рядом бочонок с подковами. Так они просидели почти весь день. Молча, думая каждый о своем. Только иногда кузнец заглядывал в жерло печи, проверяя результат своих действий и добавляя в смесь какие-то порошки и травы.

Через три дня мастер разбудил Ал-Тора грохотом отброшенной заслонки и ревом взбешенного слона.

– Хватит дрыхнуть, лентяй иблисов! Форму сюда, быстро!

Подскочив на своем жестком ложе, Ал-Тор, не успев даже как следует продрать глаза, метнулся к приготовленной заранее форме и бросил ее на указанное место.

Быстро поправив ее ногой, кузнец взмахнул кувалдой, и с одного удара пробил нижний край печи. Брызнули в разные стороны обломки камня, и в подставленную форму хлынул кипящий металл.

Не обращая внимания на капли, прожигающие кожаные штаны, кузнец подхватил кочергу и принялся шуровать ею в печи, выгребая остатки металла. Голыми руками взяв форму, он шагнул за пентаграмму и, в полный голос читая молитву, опустил ее в корыто с водой.

Форма зашипела, и только тут Ал-Тор понял, что кузнец работает, не надевая кожаных рукавиц. Невольно вздрогнув, он скосил глаза на ладони мастера. На его удивление, огромные ладони кузнеца не покрылись волдырями, как это должно было быть. Удивленно покрутив головой, Ал-Тор продолжил наблюдать за мастером.

– Хватит башкой трясти. Помогай. – Прогудел кузнец, хватая форму за одну сторону. Недолго думая, воин сунул руки в корыто и взялся за другую сторону формы. Подняв ее, они быстро перевернули форму над столом. Заготовка, отдаленно напоминающая меч, упала на старое дерево, издав странный звук. Воин недоуменно посмотрел на кузнеца. Наклонив голову набок, мастер внимательно прислушивался к звуку. Помолчав, он одобрительно кивнул и взялся за клещи. Сунув болванку в горн, он помешал уголь и кивнул Ал-Тору:

– Раздувай.

Молча, взявшись за рычаг, воин принялся качать мехи, нагнетая воздух в горн. Разогрев заготовку добела, кузнец быстро переложил ее на наковальню и, указав воину на огромный молот, подхватил молоток поменьше.

Подчиняясь заданному молотком ритму, молот с грохотом опускался на наковальню, плюща металл в указанном молотком месте. Сделав первую проковку, мастер отбросил молоток и снова сунул заготовку в горн.

– Все. Пока хватит. Теперь надо прогреть ее как следует. Пошли обедать.

– А кто будет мехами работать?

– Это уже не твоя печаль. Пошли. А вообще, ты молодец. Не каждый решится вот так, сразу, ухватиться голыми руками за форму. А потом еще и кувалдой махать. У тебя хорошо получается. Точно бьешь, именно куда показал. Руки не болят?

– Да нет. Просто я не думал о том, что делаю. Надо, значит, надо. Вот и все. – Пожал плечами Ал-Тор.

– Молодец. – Рассмеялся кузнец и с размаху хлопнул его по плечу. Чуть покачнувшись, воин пошевелил плечами и, усмехнувшись, шагнул в дом. Вошедший следом за ним кузнец, смеясь, проорал на весь дом:

– Эй, нас сегодня накормят, или работники должны умереть с голоду? – эта фраза возымела волшебное действие. Все домашние кузнеца бросились накрывать на стол и выносить из погреба разносолы. Очень скоро стол просто ломился от обилия пищи.

Ал-Тор удивленно смотрел на это изобилие, не понимая, что происходит и по какому случаю такой праздник. Видя его недоумение, мастер пояснил:

– Это потому, что сегодня день рождения. Мы празднуем рождение нового клинка. Это стоит отметить.

Ал-Тор молча кивнул и направился в заднюю комнату умываться. Сесть за стол, не приведя себя в порядок, означало не уважать хозяина.

Смыв пыль и копоть, воин вернулся в столовую, где уже вовсю кипели страсти. Крошечная хозяйка, яростно размахивая поварешкой, наступала на мужа, требуя от него чего-то. Огромный кузнец смущенно пожимал плечами и медленно отступал от хозяйки, пытаясь вставить хоть слово в ее гневную тираду.

– Что случилось? – растерянно спросил Ал-Тор, переводя взгляд с одного на другого.

– Ничего особенного, – попытался скрыть причину кузнец.

– Я тебе дам ничего особенного! – возмущенно завопила хозяйка.

– Опять устроишь пьянку на три дня. А потом будешь гонять подмастерьев и рычать на всех, как цепной пес?!

– Да нет же, милая. В тот раз все случайно получилось, – попытался успокоить жену кузнец, но она уже разошлась и, похоже, не на шутку.

– Случайно?! Выпить бочонок чачи на троих, а потом всю ночь орать песни и меряться силой – случайность?! – продолжала она наступать на кузнеца.

– Сегодня этого не будет, – негромко произнес воин.

Услышав его голос, хозяйка замерла в нерешительности. Посмотрев в глаза воину, она опустила поварешку и отступила от мужа.

– Ну если вы так говорите...

– Я вам это обещаю.

– Решай за себя, парень... – проворчал кузнец, но, заглянув в зеленые глаза воина, неожиданно замолчал и смущенно пожал плечами.

– Рождение клинка – это святой для воина праздник. Не стоит опошлять его, – проговорил Ал-Тор, и кузнец согласно кивнул, увлеченный его решительным и уверенным голосом.

– Как скажешь, мастер, – проворчал кузнец, медленно усаживаясь за стол.

– Надеюсь, вы удовлетворены, почтенная? – повернулся воин к хозяйке.

Нерешительно кивнув, та поправила фартук и, отступив от мужа, вежливо поклонилась.

– Спасибо вам, мастер.

– За что?

– За то, что не дали нам потерять лицо, – тихо проговорила она, опустив голову. Отойдя от стола, она принялась хлопотать на кухне, а воин медленно уселся напротив хозяина.

– И, правда, спасибо тебе, парень.

– Не стоит, устоз. Прости, что вмешался, но я и вправду считаю, что нам не следует напиваться. Отметить это событие, да. Но не больше.

– Согласен. – Хлопнул ладонью по столу кузнец.

Инцидент был исчерпан. Вскоре все домашние кузнеца собрались за столом. Обведя подмастерьев внимательным взглядом, устоз выбрал самого младшего из юношей и, поманив его к себе пальцем, очень серьезно проговорил:

– Ешь и ступай в кузню. Мехи качай медленно. Огонь должен гореть постоянно. Приготовь уголь из дальнего ларя. Это твой первый меч, не опозорься.

Молча кивнув, парень сел за стол и принялся за еду, не дожидаясь остальных.

Пробурчав себе под нос что-то одобрителное, кузнец протянул огромную лапу и, подняв кувшин, разлил по серебряным кубкам вино. Пригубив свой кубок, Ал-Тор растерянно посмотрел на хозяина. Это был мускат десятилетней выдержки.

Заметив растерянность гостя, кузнец довольно усмехнулся и хитро подмигнул жене. Чуть улыбнувшись, Карен подала на стол большое накрытое крышкой блюдо. Кузнец снял крышку, и воин в очередной раз растерялся. На блюде лежал фаршированный поросенок.

То, что он фарширован, Ал-Тор понял, когда кузнец ловко разрезал поросенка вдоль хребта. Внутри был зажарен барашек, в котором был кролик, а еще глубже утка, из которой появился голубь. Все это было переложено травами, специями и пахло так, что у всех присутствующих заблестели глаза. Ал-Тор смог выдать только одно слово:

– Как?

– Что как? – хитро прищурившись, переспросил кузнец.

– Как ей это удалось? – немного пришел в себя воин.

– А ты думал, что она только сейчас начала готовить? Это все готовилось, пока мы с тобой сидели взаперти. Именно за это я и люблю свою жену. Ей не надо ничего говорить, она сама все знает.

– Что ж, значит, тебе повезло, устоз.

– Ты прав, воин. Мне очень повезло, – рассмеялся кузнец и, неожиданно схватив в охапку жену, нежно поцеловал ее. Смущенно покраснев, женщина ласково хлопнула мужа по руке и тут же звонко чмокнула его в широкий лоб.

Посмеявшись, кузнец сделал широкий жест, приглашая гостя начать трапезу. Подавая ему пример, он навалил себе на тарелку такую порцию жаркого, что хватило бы на обед целой крестьянской семье. Задумчиво жуя, Ал-Тор спросил у мастера:

– Что будет дальше, устоз?

– Проковка. Это, пожалуй, самое сложное.

– Знаешь, я не раз бывал в кузницах, но первый раз вижу такие ритуалы.

– Я работаю так, как работали еще учителя моих учителей. Эти секреты – мое достояние и богатство.

– Я не спрашиваю о секретах, устоз. Я говорю о самом ритуале.

– Это одно из немногих, что тебе еще предстоит увидеть. Не спеши. В таком деле спешка – самый злейший враг.

– Я не спешу, устоз. Я согласен с тобой, что спешка – это враг.

– Знаешь, парень, не называй меня устоз.

– А как?

– Разман. Это мое имя, и оно мне нравится.

– Как скажешь, Разман, – улыбнулся воин. Кузнец рассмеялся и с размаху хлопнул Ал-Тора по плечу.

– Молодец, парень, не растерялся.

Потерев плечо, Ал-Тор усмехнулся и ответил:

– Я воин, или погулять вышел?

– Воин, – твердо ответил кузнец и вернулся к трапезе.

Обед затянулся далеко за полночь, но, вопреки ожиданиям хозяйки, оба сотрапезника оставались трезвыми, несмотря на огромное количество выпитого вина. Без усталости подавая на стол, она изумленно смотрела на обоих мужчин, продолжавших пить и беседовать. Наконец, заметив, что все подмастерья давно уже расплзлись по своим комнатам, а за столом остались только они двое, кузнец разлил по бокалам остатки вина и предложил закончить застолье.

Наутро кузнец поднял подмастерьев с первыми лучами солнца. Быстро перекусив, они ушли в кузницу. Огонь в горне поддерживался всю ночь. Внимательно посмотрев на уголь и почти сунув нос в раскаленный горн, кузнец взял клещи и сделал молотобойцам знак приготовиться.

Отодвинув воина в сторону, подмастерья похватили молоты и встали у наковальни. Аккуратно ухватив клещами заготовку, мастер одним плавным движением выхватил ее из горна и переложил на наковальню. Схватив поданный кем-то молоток, он нанес первый удар, и подмастерья взмахнули молотами.

По кузнице поплыл частый, ритмичный перезвон молотов. Небольшой молоток кузнеца задавал темп, а кувалды подмастерьев одна за другой опускались на указанное место. Раскаленный металл плющился и вытягивался на наковальне, осыпая молотобойцев искрами.

Вытянув заготовку по всей длине, они сложили ее пополам и снова принялись плющить. Сунув остывающую заготовку в горн, мастер добавил угля и приказал раздувать мехи. Разогрев заготовку, он достал ее, и все повторилось. Так, раз за разом, кузнец вытягивал и складывал металл, делая слоеный пирог. Периодически добавляя между слоями одному ему известные порошки.

Ал-Тор сбился со счета, сколько раз уже повторялась эта процедура. Бросив это бесполезное занятие, воин просто взял молот и встал в ряд с подмастерьями. Одобрительно кивнув, кузнец проворчал что-то и в очередной раз достал заготовку.

Это продолжалось почти две недели. Металл разогревали почти добела и, вытянув, складывали. Проковав, его снова складывали, и все начиналось сначала. Кузнец, то кивал, то рычал, обзывая молотобойцев лентяями, то снова ворчал что-то неразборчивое.

Наконец наступил день, когда заготовку не сунули в горн, а отнесли к ручью и опустили в быстрый поток ледяной воды. Яростно зашипев, металл выбросил облако пара и медленно погас. Постояв над заготовкой несколько минут, кузнец сунул руку в воду и достал ее.

Держа ее двумя пальцами за самый край, он сильно щелкнул по металлу ногтем. Раздался чистый, мелодичный звон. Наклонив голову набок, кузнец внимательно слушал этот звон, оценивая качество проковки. Стукнув по металлу еще несколько раз, он кивнул головой и вернулся в кузницу.

Подмастерья уже вычистили горн и приготовили его к следующему этапу. Двое из них исчезли за кузницей. Вернувшись, они принесли корзину, наполненную синей глиной. Кузнец водрузил на стол старинные весы и принялся тщательно взвешивать разные сорта угля, порошки и еще какие-то смеси.

Подмастерья перемешивали все отмеренное в ступе и, раздробив все в однородный порошок, загружали в горн. Взяв заготовку, кузнец принялся покрывать металл глиной, тщательно следя за толщиной слоя. Он варьировался от толщины лезвия ножа до толщины пальца.

Покрыв металл глиной, мастер расставил свечи и начал молитву. Разровняв порошок в горне, он осторожно уложил заготовку в горн и начал засыпать ее. Подмастерья раздули огонь, и порошок занялся странным голубоватым пламенем.

Один из парней встал к мехам и принялся медленно нагнетать воздух. Пламя загудело, и мастер, внимательно следя за огнем, принялся добавлять порошок, который доставал из маленького мешочка. Пламя вспыхнуло ярче, выбросив в воздух синие искры. Кузнец обернулся к стоявшим и взволнованно сказал:

– Теперь осталось только ждать. Пламя должно все сделать само. – И повернувшись к юноше у мехов, добавил: – Медленно и не останавливаясь. Через два часа тебя сменят.

Юноша молча кивнул и уставился на пламя.

Подчиняясь жесту мастера, все дружно покинули кузницу. Выйдя на улицу, кузнец остановился и, раскинув руки, смачно, с хрустом потянулся, расправляя плечи и спину. Глядя на

него, Ал-Тор усмехнулся и ощутил острую потребность повторить этот жест. Только теперь он понял, что давно уже не тренировался.

Отбросив серьезность, воин легко разбежался и сделал несколько сальто подряд. Встал на ноги, но тут же высоко подпрыгнул и нанес удар воображаемому противнику. Падая, он, не останавливаясь, перекатился через плечи и, резко толкнувшись, вскочил на ноги.

Кулаки его замелькали в воздухе, нанося разящие, смертельные удары. Один из юношей ради любопытства бросил ему кинжал, рукоятью вперед. Подхватив оружие в воздухе, воин лихо провернул его в руке и выхватил свой.

Подмастерья замерли в восхищении. Это был завораживающий по своей красоте танец. Танец смерти и искусства боя. Мастерство, с которым воин владел оружием и своим телом, заставило юношей смотреть на него, раскрыв рты.

Кинжалы со свистом рубили воздух, сплетая вокруг воина сверкающую сеть. Это смертоносное кружево казалось бесконечным. Руки его летали вокруг тела, не оставляя противнику ни малейшего шанса на прорыв.

Но вот нанесен последний удар, и воин замер в боевой стойке. Юноши дружно вздохнули и медленно направились к воину. Последним подошел кузнец. Молча забрав оба кинжала, он осторожно взвесил их на ладонях и удивленно посмотрел на воина.

– Они разные по весу.

– Ну и что? – пожал тот плечами.

– Но ты ни разу не ошибся.

– Это тренировка и опыт. Вес не имеет особого значения. Это улавливается быстро. Главное, поймать ритм, и свести их между собой.

– Да. Это вам не молотом махать, – усмехнулся кузнец, поворачиваясь к подмастерьям.

Ал-Тор вернул кинжал владельцу и отправился в свою комнату, отсыпаться. Всю следующую неделю он маялся от вынужденного безделья, прогоняя тренировочные упражнения по несколько раз в день. Даже мальчишки подмастерья уже перестали удивляться мастерству воина и в свободное время пытались повторять его движения. Они по очереди раздували меха, поддерживая пламя в горне. Работа в кузне сделала ребят не по возрасту сильными и жилистыми, что позволяло Ал-Тору преподавать им силовые приемы боя. Кузнец регулярно проверял их, давая указания и ругая, правда, больше для проформы. Самому же воину делать было нечего.

Через неделю заготовку вынули из горна и, проковав в последний раз, начали калить. Этот процесс занял еще неделю. Постепенно, медленно меняя температуру накала и остужения, мастер доводил клинок до нужной кондиции. В эту неделю подмастерья почти не спали, сменяя друг друга у мехов. Кузнец не ложился вообще.

Тщательно следя за цветом металла, он периодически добавлял что-то в горн и, помещивая угольную смесь, ворчал на подмастерьев. Наконец, опустив клинок в ручей в последний раз, он оставил его там до полного охлаждения и отступил в сторону. Обернувшись к Ал-Тору, он тихо сказал:

– Все. Теперь осталось только проверить, что у нас получилось.

– И как это сделать? – так же тихо спросил воин.

– Когда он остынет, я достану его и согну. Короче, скоро увидишь все сам, – неохотно ответил кузнец и отошел в сторону.

Присев на камень, мастер внимательно посмотрел на тень от воткнутой в землю палки и прикрыл глаза. Ал-Тор понял, что ожидание будет долгим, и опустился на траву. Эта неделя всем тяжело досталась, но молодежь в радостном предвкушении не замечала усталости.

Дождавшись, когда тень от палки сдвинется ровно на один палец, мастер подошел к ручью и вытащил клинок. Тщательно осмотрев заготовку, он вернулся к камню и с силой ударил ею

по камню плашмя. Отлично выкованный клинок гибко обвился вокруг валуна и спружинил, отбрасывая руку мастера обратно.

Кузнеца осыпало кусками окалины, и сквозь буровато-синюю окраску проступил чистый металл. Мастер снова взмахнул рукой, и над ручьем поплыл яростный звон стали. Окалина летела в разные стороны, но кузнец, не обращая на нее внимания, продолжал бить мечом по камню. Наконец, остановившись, он взялся за клинок двумя руками и могучим усилием согнул его в кольцо.

Сталь легко выдержала испытание. Чуть улыбнувшись, кузнец резко разжал руки, и клинок выпрямился, возмущенно загудев. Подхватив его в воздухе, мастер согнул его в другую сторону и снова отпустил. Все повторилось снова.

Ал-Тор наблюдал за испытанием, затаив дыхание. В голове молодого воина билась только одна мысль: только бы он выдержал! Это было настолько важно, что Ал-Тор забыл обо всем на свете, следя за действиями мастера. Кузнец повернулся к воину и, усмехнувшись, сказал:

– Кажется, нормально. Обработаем, заточим, и будет видно, что получилось.

Воин кивнул и молча направился следом за кузнецом в мастерскую. Подмастерья уже приготовили точило и мягкий известняк для заточки и полировки клинка. Мастер дал команду – и юноши завертели рукоять точила. Примерившись, мастер приложил клинок к камню, и кузница наполнилась скрежетом. Из-под металла полетели искры, и процесс обработки начался.

Стараясь не перегреть сталь, кузнец снимал все лишнее с заготовки, являя свету чистый металл клинка. Осторожно выводя линию режущей кромки, кузнец негромко что-то напевал. Ал-Тор прислушался, пытаясь понять, что это. Песня или молитва?

Так и не решив этого вопроса, воин отбросил вопрос до лучших времен и снова принялся следить за руками мастера. Наметив линии будущего клинка, мастер передал заготовку старшему ученику и взялся за подгонку старой рукояти. Тщательно проверив все резьбы и сочленения, он снял кожаную оплетку и принялся кроить новую.

На вопрос Ал-Тора зачем, он молча показал ему распоротый шов. От времени вошенная нить перерезала кожу, образовав дыру. Сообразив, что подобная недоделка может плохо обернуться в опасной ситуации, воин молча кивнул и вернулся к подмастерьям.

Вскоре рукоять была обтянута новой кожей и отполирована до зеркального блеска. Удовлетворенно кивнув, кузнец придирчиво осмотрел детали и отложил их в сторону. Новый клинок уже почти полностью был очищен и теперь блестел в лучах солнца, отбрасывая синеватые блики. Дождавшись окончания процедуры, кузнец внимательно оценил работу подмастерьев и проворчал:

– Хватит. Теперь пора точить и полировать.

– И сколько еще это займет? – осторожно спросил Ал-Тор.

– Не очень много, – усмехнулся кузнец, – недели две.

– Всего-то?

– Ты торопишься на войну?

– Нет.

– Тогда потерпи, – коротко ответил кузнец и ушел в дом.

Пожав плечами, воин последовал за ним. Ему не оставалось ничего другого, как набраться терпения и молча ждать. Внимательно следя за работой кузнеца, воин понял, что знание металла, умение понять температуру и качество смеси не передается просто так. Это нужно чувствовать.

Проведя в обществе мастера много времени, Ал-Тор с удивлением заметил, что и сам стал с интересом заниматься этой работой. То и дело задавая вопросы, он доводил мастера до белого каления. Наконец, не выдержав, устоз спросил его сам:

– Зачем тебе все это знать? Ты воин, а не кузнец.

– Это так, Разман. Но кто знает пути богов. Может быть, однажды они решат, что я больше не нужен им как воин и направят меня в другую сторону. Вот тогда я и вспомню твою науку.

– Вряд ли, – покачал головой мастер. – Если они и направят тебя, то только не в ремесла. Ты воин – и этим все сказано. Воин, начиная от имени и заканчивая умением.

– А разве воин не может устать от войны? – тихо спросил Ал-Тор.

– Может. Но тогда он становится учителем. Мастером. Человек, рожденный воином, не станет землепашцем. У каждого своя дорога, – негромко прогудел устоз и направился в кузницу.

– Наверное, ты прав, мастер, – также тихо проговорил юноша и двинулся следом.

Клинок точили и полировали ученики под внимательным присмотром мастера. Регулярно проверяя их работу, он то и дело ворчал и ругался, обзывая их лентяями и глупыми осликами, но ворчание его не могло никого обмануть. Всем было ясно, что ворчит мастер больше по привычке, и работа учеников все чаще вызывала его добродушную усмешку.

Наконец, клинок был готов. Осторожно, словно боясь причинить ему боль, мастер собрал рукоять и, накрутив яблоко, положил меч на наковальню. Отступив в сторону, он опустил голову и, прошептав что-то, выразительно посмотрел на воина.

Ал-Тор понял, что настала его очередь и, шагнув вперед, встал над наковальней. Не сводя горящего взгляда с отливающего синевой клинка, шириной в три пальца и длиной по пояс, воин церемонно поклонился и в полный голос произнес:

– Здравствуй, новый друг. Я приветствую тебя в этом странном и страшном мире. Я хочу помочь тебе понять его и прошу принять мою дружбу. Я тот, кто будет твоим носителем, тот, кто будет вынимать тебя из ножен и тот, кому суждено заботиться о тебе. Прими и узнай мою кровь. Отныне мы одно целое! – произнося эти слова, воин надрезал кожу на ладони и, сжав кулак, дал нескольким каплям крови упасть на клинок.

Кровь коснулась металла, и клинок полыхнул холодным синим пламенем. Сполохи этого огня пробежали вдоль клинка и, коснувшись рукояти, ослепительно сверкнули. Люди зажмурились, на секунду ослепнув, а когда смогли открыть глаза, все кончилось.

– Он принял тебя, воин. Он узнал твою кровь, – хрипло прошептал кузнец и неожиданно поклонился.

– Не надо, мастер. Это я должен кланяться тебе. Твоим рукам, твоему мастерству.

– Нет, воин. Я просто ремесленник. Это ты призван защищать и охранять таких, как мы. А мы, простые смертные, которые должны жить под защитой таких, как ты.

– Нет, мастер. Любой человек должен жить просто свободно. Не оглядываясь ни на кого. Все остальное – выдумки правителей и политиков, желающих удержаться у власти.

– Может быть, ты и прав, воин. Мне сложно судить, – пожал могучими плечами кузнец. – Теперь возьми его в руки и выйди на улицу. Вам пора познакомиться.

Улыбнувшись, Ал-Тор осторожно взял в руки клинок и вышел из кузницы. Кузнец и подмастерья потянулись следом. Остановившись сразу за порогом, они выжидательно смотрели на воина, ожидая невиданного зрелища, и воин не обманул их.

Отойдя на несколько шагов, он медленно поднял меч над головой и замер. Это была стойка равновесия, когда боец и его оружие примерялись, прислушивались друг к другу, чтобы затем начать смертоносный танец.

Ожидание затянулось. И воин и клинок осторожно, словно боясь пораниться, пытались дотянуться до сознания друг друга.

– Я, воин Ал...

– Я, меч с душой... – И далее, как прямой, молниеносный выпад. – Твой носитель! Твой клинок!

И молчание, рожденное неожиданным открытием. Это было впервые, когда воин и его меч смогли поговорить друг с другом.

– Это ты? – растерянно спросил юноша, понимая, что говорит не голосом, а мысленно.

– Я. А кто ты? – раздался ответный вопрос.

– Ал-Тор. Воин.

– Ну, это я уже понял, – ответил голос и смолк. Юноша почувствовал странную щекотку на ментальном уровне. Словно кто-то провел пуховым пером по его мыслям.

– Что ты делаешь?

– Знакомлюсь с тобой, – тихо прошелестел голос.

– Помолчи, пожалуйста, мне надо узнать тебя получше.

– Зачем?

– Как зачем? – возмутился голос.

– Ну, ты ведь не можешь без меня, а мне будет сложно без тебя... – попытался объяснить юноша и неожиданно замолчал, понимая, что ему трудно назвать этот меч вещью, оружием.

Это было неожиданно и странно. Да, оружию давали имена, за ним ухаживали и даже боготворили. Но с ним никогда не разговаривали!

– Да, – неожиданно заговорил клинок.

– Ты воин. Теперь я это вижу. Кажется, ты действительно мастер. Нам есть чему поучиться друг у друга. Это будет интересно.

– Тогда давай попробуем, – предложил юноша, уязвленный уверенностью новорожденного клинка.

Подмастерья, утомленные зрелищем замершего, как изваяние, воина начали высказывать нетерпение, переминаясь с ноги на ногу и бурча себе что-то под нос. Кузнец шикнул на них, пригрозив спустить шкуру, если они нарушат ритуал знакомства.

Неожиданно замерший воин шевельнулся и танец начался. Он словно перетекал из одной позиции в другую. Казалось, что кости его гнутся в самых неожиданных местах. Он взмахивал мечом, нанося удары из самых неожиданных положений. Клинок мелькал, со стоном разрезая воздух и сплетая вокруг мастера смертоносное серебристое кружево.

Дождавшись окончания танца, кузнец отправил одного из мальчишек за луками. Через несколько минут перед воином стояла шеренга лучников. Затупленные стрелы легли на тетиву, и в воздухе раздался скрип натягиваемых луков.

Увлеченный поединком, юноша даже не обратил внимания на все эти приготовления, продолжая беседовать с клинком и начиная новый танец.

– По-моему, ты сейчас получишь чувствительную оплеуху, – прошелестел клинок с оттенком иронии.

В воздухе свистнули стрелы.

Моментально упав на траву, юноша перекатился на спину и толчком с плеч встал на ноги. Подмастерья уже успели наложить новые стрелы и, не дожидаясь команды, выпустили их в полет. Злобно жужжащие тростинки встретил яростный высверк клинка, и наступила тишина. Обломки стрел с тихим шорохом упали на траву и подмастерья замерли, подчиняясь молчаливой команде мастера.

– Он признал тебя, воин, – проговорил кузнец.

– Откуда ты знаешь, что я говорю с ним? – удивленно спросил Ал-Тор.

– Ты забыл, что я его повитуха?

– Кто?

– В старину нас называли повитухами. Помогающими прийти в этот свет. Повитуха Разман. Смешно, – несколько смущенно проворчал кузнец.

– Не думаю, что это смешно, – покачал головой воин и, проведя ладонью вдоль клинка, продолжил: – По-моему, мы поняли друг друга. Только пока не решили, кто из нас главный.

– Он еще молод и не понимает, что вы не сможете друг без друга, а значит, вы равны. Вы друзья, партнеры, братья, если хочешь, но равные. Но он скоро поймет. Они все это понимают. Рано или поздно, но понимают. Думаю, он поймет раньше. Он многое поймет раньше.

– Почему?

– Он собран из двух частей. Старой рукояти и нового клинка. В сам клинок вплавлена часть старой бронзы, просто память его еще не проснулась. Как и любой новорожденный, он пришел в этот мир в шуме, грохоте, крике и пламени. Он еще ребенок. Но он проснется. У него новое тело, но память предков. Как у тебя.

– У меня? – изумленно переспросил воин.

– Да, – утвердительно качнул головой кузнец.

– Я недаром удивился, когда узнал, что ты ученик старого Расула. Старик знал, кого брать. Ты говорил, что он нашел тебя на базаре, когда увидел, как ты отбиваешься от мальчишек.

– Да, это так, – кивнул Ал-Тор.

– Он увидел в тебе то, что искал. Искал долго и тщетно.

– Что именно?

– Память предков. Воинов. Победителей. Тех, кто смог оставить в твоём мозгу память о боях и стычках, из которых они вынесли не только славу, но и новые навыки. Потому ты и смог выучить все, чему учил тебя Расул. Выучить намного быстрее, чем любой другой. Тебя не надо было учить. Тебе надо было только напомнить, что и как, остальное ты знал. Знал памятью предков.

– Но откуда?..

– Откуда я это знаю?

– Да.

– Это, тоже память. Память тех, кто учил моих учителей. Можно иметь сотню подмастеров, но мастером станет только один из них. А старого Расула я знал еще во времена, когда он стал капитаном и рьяно защищал нашего сатрапа, чтоб ему ифриты на том свете задницу на сковороде поджарили. Именно из-за него нам с Карен пришлось бежать из города, и именно Расул помог нам потихоньку выбраться, прихватив вещи и мальчишек. Именно я ковал его первый кончар.

Не знаю почему, но в один прекрасный день он пришел ко мне и попросил выковать такой меч. Прямой кончар. Таким оружием здесь, на юге, мало кто пользуется, но он не обращал внимания на других. Он просто делал то, что считал нужным. Именно с этим мечом он стал тем Расулом, которого знали все в Кортесе. Наверное, это его память проснулась, и духи предков заставили его выбрать такое необычное оружие. Точно так же, как сегодня ты, он стоял во дворе своего дома и знакомился с новым мечом. Да. Это была память предков. Память воинов.

– Значит, кузнецы знают о воинах больше, чем сами воины знают о себе?

– Не все кузнецы. Только мастера-оружейники. Те, кто учился ковать настоящее оружие.

Ал-Тор молча кивнул, переваривая услышанное. Неожиданно клинок в его руках слегка завибрировал и в голове воина прозвучал голос этого странного меча:

– Он прав. Нас обоих не нужно учить. Нам нужно только напомнить. А теперь давай с тобой уединимся. Я хочу побродить по закоулкам твоей памяти. Мне очень многое нужно вспомнить. Поможешь? – неожиданно робко спросил голос и воин молча кивнул. Потом, спохватившись, взглянул на мастера.

– Мне нужно побыть одному. Нам.

Кузнец понимающе кивнул и сделал знак подмастерьям. Потом, помолчав, негромко усмехнулся:

– Только не забудь, что он может быть сыт смазкой, а тебе не мешает подкрепить силы.

– Не забуду, мастер, – улыбнулся Ал-Тор и, повернувшись, направился к берегу ручья.

Медленно бредя вдоль быстрого потока, он расслабился и позволил мечу проникнуть в свое сознание. Это было странно и страшно. Вместе с проникновением в свое сознание он сам проник в память клинка и понял, о чем говорил кузнец.

Он видел, как рождался тот, первый клинок. Как пел над наковальней мастер-повитуха, как тяжелый молот опускался на тело старого меча, придавая ему форму. Как могучий, суровый воин взял его в руки и, взмахнув, погрузил раскаленный клинок в грудь пленного врага, закаливая черную бронзу.

Раз за разом, день за днем пролетали перед его внутренним взором, и с каждой победой, с каждой схваткой он становился все сильнее, набираясь опыта и знаний. Мастер был прав. Память старого клинка продолжала жить, и они смогли разбудить ее.

Наконец, Ал-Тор вынырнул из этой бездны и, устало проведя ладонью по лицу, присел на камень. Клинок молчал. Тишину нарушало только журчание ручья.

– Как меня зовут? – неожиданно спросил клинок.

– Зовут? Я думал, ты мне это скажешь.

– Нет. Имя мечу всегда давал воин.

– А какое ты хотел бы имя?

– Не знаю. Наверное, оно должно означать что-то и из той, и из этой жизни?

– Наверное, – согласно кивнул юноша. – Над этим вопросом нужно как следует подумать. Кроме того, не мешало бы знать, как звали тот меч, – продолжил он и медленно направился к дому.

– Это верно, – тихо согласился новорожденный клинок.

Всю дорогу до дома они молчали, обдумывая каждый свое и понимая, что им многое предстоит сделать и еще больше понять. Мальчишка-подмастерье, оставленный кузнецом с заданием наблюдать за воином и позвать мастера, если что-то пойдет не так, увидел медленно бредущего юношу и помчался к мастеру сообщить, что воин и его новый меч возвращаются. Кузнец вышел на крыльцо дома и, внимательно всмотревшись в лицо юноши, удовлетворенно кивнул головой.

– Познакомились, – утвердительно прогудел он.

Ал-Тор удивленно посмотрел на мастера и молча кивнул. Улыбнувшись, кузнец хлопнул его по плечу и жестом указал на дом, приглашая войти.

Пройдя в комнату, юноша медленно опустился на скамью и вопросительно посмотрел на кузнеца. Смущенный этим внимательным взглядом, кузнец почесал всклокоченную гриву и негромко проворчал:

– Сейчас перекусим, а потом поговорим. Ладно?

– Ладно, – спокойно согласился воин, понимая, что пришла пора платить за работу и мастер хочет попросить его о чем-то. Обед прошел в полном молчании. Только жена мастера иногда поглядывала на Ал-Тора со странным выражением на лице, словно пыталась понять или оценить что-то.

Наконец, словно собравшись с духом, кузнец смущенно кашлянул и, аккуратно вытерев бороду, повернулся к Ал-Тору. Помолчав, он начал издали:

– Мы тут с Карен подумали, надеюсь, ты не будешь против, если мы переедем поближе к тебе?

– Ты хочешь уехать отсюда? – переспросил воин, изумленно уставившись на кузнеца.

– Да. Мы не так давно живем здесь, но на нас уже трижды нападали.

– Кто?

– Дважды слуги тех, кто не привык к отказам, а в последний раз – банда каких-то разбойников. К счастью, их было мало и нам удалось отбиться, но они обещали вернуться с друзьями. Пойми, за себя я не боюсь, но здесь мои близкие, ученики, и это делает меня уязвимым. – Кузнец замолчал, смущенно опустив взгляд. Ему было тяжело признаться в этом. Сильный,

умный, знающий мужчина смутился признаться в том, что его снедает беспокойство за домо-
чадцев.

– Как думаешь, сколько нужно подвод, чтобы увезти все твое добро, включая дом, конюшню и кузню? – подумав, спросил Ал-Тор.

– Так ты согласен?

– Хороший оружейник нужен всегда, а работы у тебя будет много, можешь поверить, – улыбнулся воин, и на лице мастера расцвела облегченная улыбка.

Супруга кузнеца, услышав, что воин готов взять их под свою защиту, весело рассмеялась и, недолго думая, выставила на стол огромный кувшин старого выдержанного вина.

– Спасибо вам, мастер. Вы не думайте, мы умеем работать. А если что будет нужно, так он всегда сделает, и слово ваше будет законом, не сомневайтесь, – быстро заговорила она, словно боясь, что воин передумает.

– Я не набираю слуг, уважаемая, – тихо ответил Ал-Тор, – рядом со мной живут друзья. Каждый делает то, что может, и получает по своим заслугам. Вы хотите жить рядом со мной? Прекрасно. Я помогу вам переехать. Хороший кузнец нужен в любом поселении, а уж в таком странном, как наше, тем более.

– А чем оно странное? – настороженно спросила Карен.

Ал-Тор улыбнулся в ответ.

– Наше поселение больше напоминает армейские казармы. Плац, коновязи, арсенал, все как в настоящей крепости.

– А женщины есть? – задала Карен самый волнующий ее вопрос.

– Немного, но есть, – кивнул воин.

– А почему немного? – не успокаивалась женщина.

– Все, живущие там, – отставники, в свое время отдавшие себя службе, но так и не сумевшие завести семьи. Теперь для этого слишком поздно. Они старики. Кое-кто сумел уговорить своих подруг на переезд, но таких мало. В основном подруги солдат – это маркитантки и продажные женщины из придорожных кабаков. Быть женой солдата – тяжелый удел.

– Ну не знаю, – задумчиво покачала головой Карен. Затем, подумав, решительно тряхнула головой, словно приняв какое-то решение, произнесла: – Вот переедем, а там посмотрим, какие они старики.

Кузнец усмехнулся и, подмигнув Ал-Тору, ворчливо пожаловался:

– Вот и представь, каково мне живется с таким десятником в юбке. Самый настоящий армейский старшина.

– Я думаю, хорошо живется, – усмехнулся в ответ воин, заметив, как Карен набрала в грудь воздуха для очередной яростной атаки на мужа. Слова воина погасили готовый разгореться пожар страстей.

Вздыхнув, женщина усмехнулась и, махнув рукой, принялась за посуду. Мужчины вполголоса обсуждали время и количество необходимого для переезда. Наконец, придя к единому мнению, они поднялись, и Ал-Тор вышел к себе в комнату. Через несколько минут воин вернулся обратно, неся клетку с голубем.

Кузнец уже приготовил все необходимое для письма, и воин, сев за стол, принялся составлять послание своим ветеранам. Уложить все на крохотном кусочке пергамента оказалось невероятно сложно. Написав несколько самых необходимых фраз, Ал-Тор решил положиться на сообразительность своих десятников, и не ошибся.

Спустя седмицу у дома кузнеца загрохотали подводы, запряженные боснийскими тяжело-
возами, огромными, невероятно сильными животными, способными в одиночку тащить осад-
ный таран. Эта порода была выведена в лесной глуши и предназначалась для перетаскивания
огромных бревен, добытых лесорубами. При всей своей мощи, это были удивительно мирные,
покладистые, но очень сообразительные животные.

Подводы сопровождал отряд из пятидесяти кавалеристов, державших строй так, словно это была военная операция, а не мирный переезд. Моментально окружив дом, солдаты остались в седлах, ожидая команды десятников.

Командир полусотни спешил и, быстро подойдя к Ал-Тору, отдал салют, не обращая внимания на восхищенные взгляды мальчишек-подмастерьев и одобрительную усмешку кузнеца.

– Мастер, вы приказали пригнать подводы и все необходимое для переезда. Приказ выполнен. В подводах инструмент и провиант, люди готовы к работе.

– Спасибо, старина. Начинайте, – кивнул Ал-Тор, и десятник рывкнул команду. От его рева присели даже тяжеловозы.

Кузнец и его жена только руками разводили от удивления. Полусотня, моментально рассредоточившись, рьяно взялась за дело. Самому мастеру было позволено только разобрать горн и печь. Остальное сделали солдаты. Умение строить фортификационные сооружения и укрепления помогло им быстро разобрать дом, кузню и конюшню. Венцы были помечены и погружены на подводы.

Спустя четыре дня, от добротного дома остался только фундамент, сложенный из крупных валунов. Весь домашний скarb был давно уже уложен в подводы, оставалось только запрячь лошадей, и можно было трогаться в путь.

В последний момент, словно что-то вспомнив, Ал-Тор подошел к кузнецу и, задумчиво потирая лоб, спросил:

– Разман, а разве ты не должен сообщить родственникам своих учеников, что уезжаешь?

– Некому, – коротко ответил кузнец. – Они все сироты. Я подбираю их на улицах. Кто-то пришел просто из леса, брошенный невольничьим караваном. Нам с Карен не дано иметь своих детей. Боги за что-то покарали нас. Теперь это наши дети.

Ал-Тор с удивлением смотрел на кузнеца, не веря своим ушам. Но, переведя взгляд на Карен, понял, что кузнец говорит правду. Вздохнув, он молча кивнул головой и направился к своему коню.

Обратный путь занял у кавалькады десять дней. Дорога прошла спокойно, но у самых ворот дозорные заметили следующую за ними группу всадников. Внимательно выслушав доклад, Ал-Тор приказал погонять коней и приготовить оружие.

В крепости уже заметили приближение отряда, и ворота гостеприимно распахнулись, готовясь принять хозяина и его новых друзей. Подводы только успели вкатиться во двор крепости, как на холме появился большой вооруженный отряд.

Спрыгнув с коня, Ал-Тор принялся раздавать приказы, рывкнув кузнецу убраться с дороги и не путаться под ногами. Ветераны, привычные к тревогам и стычкам, быстро и без суеты занимали свои места и готовились к бою. Несмотря на резкий тон приказа, кузнец не обиделся и, собрав домочадцев, увел их в дом.

Гарнизон дома-крепости занял свои места и затаился, выжидая дальнейших действий противника. Съехав с холма, отряд остановился в двух полетах стрелы от ворот, и вперед выехал всадник на белом жеребце. Забрало шлема было опущено, закрывая лицо всадника, но что-то в посадке и поведении воина показалось Ал-Тору странным. Станным ему показался и сам всадник. Хрупкого телосложения, худощавый и невысокий ростом, он сидел в седле прямо, словно аршин проглотил. Хотя расстояние не позволяло точно судить о росте парламентаря, Ал-Тору показалось, что перед ним просто подросток.

Тем временем всадник, подъехав почти к самым воротам, громко прокричал:

– Эй, вы! Откройте ворота, и выходите в поле без оружия, тогда мы пощадим вас! В противном случае вы все умрете. У вас есть час. После чего мы атакуем.

– А ты случайно не ошибся в выборе крепости, малыш? – прозвенел в тишине голос Ал-Тора. – Это не песчаная крепость на празднике солнцеворота. И драться мы будем всерьез.

– Попробуйте, – презрительно ответил парламентар и, развернув коня, помчался обратно.

От такой наглости жители крепости только недоуменно переглядывались, растерянно качая головами. Они не могли понять, зачем нападать на хорошо укрепленное поселение, если в степи можно найти немало караванов. Это и безопаснее и поживы не в пример больше. Но у предводителя банды, очевидно, были свои мотивы поступать таким образом. Банда готовилась к нападению.

Ал-Тор быстро собрал десятников и, проведя небольшой совет, начал раздавать приказы. Слуги, подмастерья и те, кто по какой-либо причине не мог сражаться, были отосланы с приказом спрятаться и не появляться на улицах до окончания боя. Осажденные воины вооружились арбалетами, приготовив запасные тулы со стрелами. Теперь оставалось только ждать нападения.

Как ни странно, бандиты сдержали слово. Они прождали ровно час, после чего спешили и, оставив коней, направились к крепости, на ходу разворачиваясь цепью и готовя веревки с крюками.

Основная масса бандитов была вооружена луками и мечами. Арбалетов было всего три. Ал-Тор заметил несколько секир и боевых топоров. Это было более чем странно. Подобная тактика была полной глупостью. Более того, это было самоубийством.

Подумав, Ал-Тор вызвал нескольких человек и направил их на заднюю стену крепости. Он вполне допускал возможность обхода. Ему не верилось, что люди способны так небрежно относиться к защитникам крепости. Что-то придавало им наглости. Что-то, что могло дать им преимущество перед его ветеранами. Но пока он не видел ничего подобного.

Подпустив атакующих поближе, Ал-Тор поднял руку, и арбалетчики вскинули оружие, тщательно выцеливая противника. Цели были разобраны заранее. Каждый знал, куда бить, поэтому первый залп нанес противнику устрашающий урон.

Тяжелые арбалетные болты легко прошивали кольчуги и кожаные доспехи бандитов. Это трудно было назвать боем. Это было уничтожение. В несколько минут стрелки уничтожили больше половины банды. Оставшиеся в живых растерянно затоптались на месте, не зная, что предпринять.

Решив окончательно покончить с противником, Ал-Тор отдал команду, приказав открыть ворота, и повел людей в контратаку. Бандиты, не ожидавшие такого отпора, не смогли оказать достойного сопротивления. Вскоре вся банда была уничтожена. В живых оставили только парламентаря на белом коне. Метко пущенный из пращи камень снял его с коня, гулко ударив по железу шлема.

Скрутив ему руки за спиной, ветераны поставили парня на ноги и сдернули шлем. Стоявшие рядом с Ал-Тором десятники тихо ахнули. Из-под шлема густым водопадом рассыпались мягкие каштановые волосы. Нежная кожа, тонкие черты лица, большие, темные глаза. Перед ними стояла девушка.

Двойная кольчуга тонкого плетения и кожаный подкольчужник не позволяли оценить статей пойманной бандитки. Было ясно только одно, это была молодая девушка.

Резким движением головы, отбросив упавшую на глаза прядь, она вскинула подбородок и дерзко посмотрела на своих пленителей. Встретившись взглядом с зелеными глазами победителя, девушка невольно вздрогнула и поежилась. Ал-Тор молчал. Ветераны, зная, что их мастер ничего не делает просто так, поддерживали его молчание.

Тишина затягивалась, нагнетая напряжение. Наконец, она не выдержала и, дернув плечом, произнесла неожиданно охрипшим голосом:

– Ну и что дальше?

– О чем ты? – спросил Ал-Тор.

– Меня казнят?

– Возможно. Я еще не решил. Но для начала ты ответишь на несколько вопросов.

– С чего ты взял, что я буду говорить?

– Есть много способов узнать правду. Мои солдаты знают их. Выбор за тобой. Можешь рассказать все добровольно, можешь под пыткой. Так или иначе, я узнаю правду.

– Ты не сможешь пытать женщину. У тебя рука не поднимется.

– Я бы на это не рассчитывал, – усмехнулся воин, и эта усмешка произвела большее впечатление, чем все угрозы вместе.

– Ты и вправду ублюдок. Таким, как ты, нет места на земле! – неожиданно вызверилась она.

– Хороший ход. Но ты просчиталась. Меня так часто называли ублюдком, что я начал гордиться этим прозвищем. А по поводу места... Все еще проще. Это скоро тебе не будет места на земле, но как это произойдет, зависит только от тебя.

Сообразив, что ее попытка провалилась, бандитка быстро оглянулась, словно ища выход из создавшегося положения. Убедившись, что солдаты, стоящие рядом, не на минуту не расслабились, она вздохнула и опустила голову, смирившись со своей участью.

– Хорошо. Спрашивай. Я отвечу на твои вопросы, но боюсь, мои ответы тебе очень не понравятся.

– Пусть это тебя не волнует, – бесстрастно ответил воин и задал первый вопрос: – Кто ты?

– Хали.

– Не считай меня дураком. Это кличка. Ты взяла имя темной богини. А теперь назовись.

– Откуда ты знаешь о богине?

– Я читаю, пишу и говорю на пяти языках. Но ты не ответила на мой вопрос.

– Ладно. Лейла.

– Это твое имя?

– Да. Так меня назвала мать.

– Кто командовал бандой?

– Я. Эти люди достались мне по наследству от отца.

– Это твою банду ловили наемники из Кортеса?

– Да. За наши головы назначена большая награда.

– Ну, это я знаю, – небрежно отмахнулся Ал-Тор. – Кто додумался атаковать нашу крепость без подготовки, малыми силами и без осадных орудий?

– Нас обманули. Мы захватили несколько наемников, и они сказали, что здесь появилась новая крепость, в которой живут одни старики. Нам нужно было логово. Место, где мы могли бы отсидеться и хранить добытое. Я и мои люди уже взяли три поместья. Они почти не сопротивлялись. В последнем замке люди просто сдались без боя. Мы продали их на невольничьем рынке. Зато все живы, – неожиданно добавила она.

– Дура. Жизнь под плетью, это не жизнь, – мрачно проворчал воин, – что ж, теперь я понимаю, как вы узнали о моем доме.

– Твоем доме? – удивленно переспросила Лейла.

– Перед тобой, дуреха, стоит властелин этих мест, граф Босте, барон Хакас-Карибский по прозвищу Бастард, – встряхнул пленницу за ворот кольчуги один из десятников.

– Бастард? Странное прозвище, – удивленно проговорила девушка.

– По крайней мере, честное, – усмехнулся Ал-Тор. – Я не присваиваю себе имен чужих богов.

– Я не присвоила его. Так меня назвал один караванщик, когда увидел, как я сражаюсь, – гордо ответила девушка. – Могу и тебе кое-что показать, – неожиданно предложила она. – Таких приемов ты наверняка не знаешь, – продолжила она и растерянно огляделась, когда стоявшие рядом воины расхохотались. Не удержавшись, улыбнулся и Ал-Тор.

– Ты так уверена в этом?

– Да. Развяжи мне руки и прикажи вернуть мой меч. Я из тебя каплуна сделаю! – яростно продолжила Лейла, не понимая причины солдатского смеха.

– Хорошо, – усмехнулся Ал-Тор и махнул рукой ветеранам. – Развяжите ее и верните меч.

Лейла почувствовала, как кинжал полоснул по стянувшим запястья ремням, и руки освободились. Растирая затекшие запястья, она медленно обвела взглядом площадку. Один из ветеранов протянул ей палаш, отнятый после падения с лошади. Ощувив в руках привычную тяжесть оружия, девушка воспряла духом. Ей выпал шанс. Шанс расправиться с человеком, которого ищет вся тайная служба сатрапии.

Старый пьяница сатрап совсем помешался на мести этому ублюдку. Теперь у нее есть шанс убить его и получить награду. За голову этого парня она сможет выкупить свою сестру и уехать из страны.

Все это она скрыла от воина, надеясь, что мужское самолюбие поможет ей избавиться от ремней, и она сможет подобраться к нему на расстояние удара ножом. Но все сложилось еще интереснее. Он согласился на открытый бой. Теперь она могла покончить с ним открыто, и никто не сможет обвинить ее в подлости. Это честный бой. Клинок на клинок, умение на умение.

Взяв в руку палаш, Лейла несколько раз взмахнула им и встала в позицию. Ал-Тор стоял в расслабленной позе, заложив руки за спину и не обнажив клинка. Примерившись, Лейла двинулась по кругу, стараясь не упустить момент атаки. Ему нужно было только на одну секунду отвлечься, и он узнает поцелуй Хали. Поцелуй смерти.

Ал-Тор медленно поворачивался, держа ее в поле зрения и не расцепляя рук. Лейла продолжала кружить, не понимая, почему он медлит и не предпринимает попыток напасть. Любой другой на его месте уже давно бросился бы в атаку, понадеявшись на свою силу, а он просто стоял и смотрел на нее, даже не обнажив свой клинок-переросток.

Этот меч она заметила с самого начала. Его рукоять торчала над плечом воина, словно странный рог, выросший из спины. Прикинув на взгляд вес клинка, она тихо усмехнулась. Орудовать таким ломом на турнирных скоростях долго просто невозможно. Главное в этой схватке – не дать ему столкнуться с палашом под прямым углом. Такого удара палаш не выдержит.

Быстро накидав в уме всю картину боя, Лейла резко взмахнула палашом и бросилась в атаку. Она надеялась на свою реакцию и скорость движения, но ее ждало огромное разочарование.

Плавno шагнув в сторону, Ал-Тор крутнулся вокруг своей оси и Лейла, по инерции проскочив мимо, почувствовала весомый подзатыльник. От удара в ушах у нее зазвенело, а перед глазами на мгновение встал туман. Громкий солдатский хохот привел ее в чувство. Осмотревшись, Лейла внезапно поняла, что сидит на земле, а верный палаш валяется в пыли, в нескольких шагах от нее.

Сглотнув неожиданно вставший в горле ком, Лейла заставила себя встать и подобрать оружие. Все пошло не так, как она планировала, но она не привыкла сдаваться при первой же проблеме и, собрав волю в кулак, снова атаковала. На этот раз она не стала бросаться напролом.

Быстрыми приставными шагами подскочив к воину, она начала наносить удары со скоростью, достойной восхищения. Но он все равно был быстрее. То и дело перегибаясь в пояснице почти пополам, словно его тело было без костей, он уходил от ее ударов, не обнажая меча.

Отскочив назад, она перевела дух и внимательно посмотрела на его одежду. То, что она увидела, ей совсем не понравилось. Вся одежда воина была целой. Она просто не могла поверить своим глазам. Такого не могло быть. Он просто не мог уйти от всех ее ударов. Но это было правдой. Воин смотрел на нее все с той же легкой улыбкой.

– Ты действительно демон! – прохрипела Лейла пересохшим горлом.

– Нет, девочка, – услышала она в ответ гулкий голос кузнеца, – ты нарвалась на настоящего мастера. Это не охрана купеческих караванов. Он в одиночку мог разогнать всю твою банду. Признай поражение. Ты уже еле дышишь, а он еще даже не обнажил клинка. Если продолжишь схватку, погибнешь. Прими добрый совет. Сдайся.

– Нет! Этого не будет! Я продолжу бой, чего бы мне это ни стоило!

– Глупо, – коротко ответил кузнец и, закинув на плечо шипастый гердан, недоуменно развел руками.

– Ты так меня ненавидишь, что готова умереть? – недоуменно спросил воин.

– Да.

– Но почему? Мы ведь даже не знакомы. Что я сделал тебе такого, что ты так люто меня возненавидела?

– Привезя твою голову сатрапу Кортеса, я куплю свободу своей сестре, – резко ответила девушка и, выхватив нож, метнула его в грудь воину.

Она все правильно рассчитала. Силу броска, скорость движения, угол полета ножа. Не учла она только одного. Реакция мастера была на порядок выше реакции обычного воина. Моментально изогнувшись самым невероятным образом, Ал-Тор ушел с траектории полета ножа и поймал его голой рукой. Поймал так, словно просто выдернул из воздуха, как уличный факир выдергивает из рукава королевскую кобру. Спокойно, без лишней суеты.

Стоявший за спиной Ал-Тора ветеран судорожно вздохнул и громко произнес:

– Спасибо, мастер.

– За что? – обернулся к нему Ал-Тор.

– Вы только что спасли мне жизнь, мастер. Ловить нож голой рукой вам не было необходимости. Вы уже были в стороне.

– Но я знал, что за моей спиной кто-то есть и не мог допустить глупой гибели одного из моих людей. А нож... Это просто нож. Сейчас меня интересует другое, – продолжил он, поворачиваясь к девушке. – Ты просила честного боя, а теперь наносишь подлый удар. Думаю, что нам стоит просто прогнать тебя в степь, но сначала наказать. – Ал-Тор медленно достал меч.

Лейла усмехнулась. Этот глупый самец сам нарывался на смерть. Он взялся за свой неуклюжий лом. Теперь она сможет измотать его и дотянуться до горла. Ей нужен только один удар.

– Ты не хочешь убивать ее, – услышал воин голос клинка.

– Нет. Мне жаль ее.

– Она что-то сказала о своей сестре. Я помогу тебе, а ты, будешь держать меня в руке, когда станешь допрашивать ее.

– Зачем тебе это?

– Интересно, – прозвучал ментальный ответ новорожденного клинка.

– Договорились, – ответил воин и начал движение.

Ветераны отступили в стороны и замерли. Много раз каждый из них видел этот танец. Танец меча, но на этот раз мастер превзошел самого себя. Палаш Лейлы обиженно звенел каждый раз, когда натыкался на меч мастера. Сама Лейла просто разрывалась от злости. Она делала все, что могла, но ее попытки сводились к нулю. Клинок пел и отбрасывал палаш, ни на секунду не прерывая своего танца.

Последним движением танца меч закрутил палаш и рывком отбросил его в сторону. Острие меча уперлось в горло девушке. Судорожно сглотнув, Лейла замерла, глядя прямо в его хищные, зеленые глаза.

– Вот и все. Все твои попытки провалились. Теперь тебе осталось только умереть, – громко сказал воин и, плавно нажимая на меч, заставил ее опуститься на колени.

– Я даже не знаю, как это сделать? Убить быстро или для начала отдать воинам? Может быть, нарезать из спины ремней?

Стоявшие рядом ветераны заулыбались, сообразив, что задумал их мастер, и наперебой принялись советовать разные пытки. Услышав их предложения, девушка содрогнулась и невольно поежилась. Живое воображение услужливо нарисовало ей эти картины, и она сломалась. Слезы полились против воли.

Посмотрев на девушку, Ал-Тор резко нагнулся и, заглянув ей в глаза, властным голосом спросил:

– Что с твоей сестрой? Где она?

Взгляд девушки забился, как пойманная птица, но его зеленые глаза словно пронзили ей душу. Слова полились из нее неудержимым потоком. Это была обычная история.

Родители умерли, не оставив наследства, и ей пришлось заботиться о себе и маленькой сестре. Отставной солдат, живший по соседству, научил ее орудовать мечом. У нее неплохо получалось, и она нанялась в вольный отряд, охранять караваны.

Все шло хорошо, но однажды на караван напала шайка разбойников. Она отчаянно рубилась, но главарь легко обезоружил ее, и ей пришлось сдаться. Уже в логове бандитов она поняла, кто является главарем этой банды. Им оказался тот самый старый солдат. Почти вся банда состояла из бывших солдат сатрапии. Жадность и глупость сатрапа и его лизоблюдов заставила этих людей выйти на большую дорогу. Она осталась с ними.

Очень часто в разговорах старых рубак она слышала имя легендарного капитана Расула. Отставники рассказывали, что он, уйдя в отставку, собрал своих гвардейцев и, купив землю где-то на окраине сатрапии, отправил их всех туда. Каждый отставной гвардеец получил надел земли, дом и мог спокойно дожить остаток дней.

Старики завидовали. По их мнению, гвардейцы всегда получали все самое лучшее. То, что Расула убили, не имело особого значения. Каким-то образом слухи о сыне капитана просочились в столицу, и старики свято верили в существование такого города.

Старый солдат удочерил Лейлу, и однажды, когда во время нападения ему не повезло, она заняла его место. Ее дерзкий, властный характер помог ей стать главарем банды, и они пошли за ней. Со временем старики ушли, уступив место в банде более молодым и дерзким. Многие нашли свою смерть в схватках с охраной караванов, те же, кому повезло больше всех, вышли из банды и, собрав нехитрые пожитки, отправились искать лучшей доли в других местах.

Почти год она держала в страхе все караванные пути, но судьба сыграла с ней злую шутку. Ее сестра, жившая в их старом доме в Кортесе, постепенно превратилась в юную красавицу. Однажды ей случилось попасть на глаза главному евнуху сатрапа, и ее схватили.

Лейла не задумываясь ни секунды, отправила сатрапу письмо с угрозой разорять каждый караван, идущий по пути в Кортес, если сатрап немедленно не отпустит девушку. Но он предложил другое. Ему нужна была голова Ал-Тора. Он предложил обмен. Жизнь сестры на жизнь бастарда. Лейла, недолго думая, согласилась и отправилась в степь. Но боги решили по-своему.

Выслушав ее, воин грустно улыбнулся и спросил:

– Неужели ты и вправду поверила словам этого мерзавца?

– Меня интересует только моя сестра.

– Не сомневаюсь. Но боюсь, что она уже побывала в его постели. А тебя он просто прикажет повесить сразу после того, как увидит мою голову.

– Во-первых, он давно уже ни на что не способен как мужчина, а во-вторых, ему просто незачем так поступать со мной.

– Дура! Ты считаешь, что сильным этого мира можно верить? – резко пробасил кузнец, шагнув вперед.

От избытка чувств он швырнул на землю гердан, и все стоящие ясно ощутили силу этого удара, когда тяжелая палица отскочила от утоптанной земли, словно мяч. Ал-Тор опустил меч.

– Кажется, она говорит правду, – услышал он тихий голос клинка.

– Ты так думаешь? – мысленно спросил воин, моментально отключившись от всего окружающего.

– Да. Она и вправду верит, что... – клинок не успел договорить.

Стоящие рядом солдаты разразились громким хохотом. Пока воин и меч вели мысленный диалог, Лейла попыталась воспользоваться близостью оружия и схватилась за рукоять палицы. Но гердан оказался слишком тяжел для ее рук. Рванувшись вперед, она не смогла поднять это оружие и растянулась во весь рост, взметнув тучи пыли.

– Девочка, этот гердан ковал для себя еще учитель моего учителя, и очень немногие могут даже поднять его, не говоря уже о том, чтобы воспользоваться, – проговорил кузнец сквозь громовые раскаты смеха.

Поняв всю тщетность своих усилий, Лейла не выдержала и разрыдалась.

– Будь ты проклят, ублюдок! Это все из-за тебя! Ненавижу! Проклятое варварское семя!

– Заткнись! – рявкнул десятник, вlepив ей полновесную оплеуху. – Ты, проклятая дура! Это сатрап забрал твою сестру! О вашем существовании никто из нас не знал, и мы были счастливы в своем неведении. Это ты пришла сюда и привела на смерть этих людей!

– Оставьте ее! – приказал Ал-Тор. – Сатрап использовал тебя, а когда ты выполнишь свою миссию, тебя повесят. Хочешь убедиться в этом? – спросил он Лейлу.

– Как?

– Возьми любую голову и потребуй выдать тебе сестру в обмен на мешок.

– И что?

– Остальное ты увидишь сама.

Девушка задумалась. Это был шанс. Слабый, призрачный, но шанс. И она решилась. Ничего другого ей все равно не оставалось. Добровольно этот бастард не расстанется с головой, а заставить его у нее не было никакой возможности.

Молча кивнув, она встала на ноги и принялась отряхивать одежду. Ветераны поймали ее коня и отдали оружие. Осмотревшись, Лейла поняла, что голову ей придется искать самой. Причем голова эта будет принадлежать одному из ее людей. Вздвогнув от такого открытия, девушка растерянно посмотрела на воина.

Догадавшись о ее вопросе, Ал-Тор жестко усмехнулся и покачал головой:

– Придется самой повозиться. Здесь нет твоих прихвостней. Ты сама пришла сюда, вот и управляйся.

– Ублюдок, – выплюнула девушка и, гордо отвернувшись, направилась в поле.

Ей пришлось долго бродить среди убитых, чтобы найти труп с подходящей раной. Это было сложно. Почти все были убиты из арбалетов. Тяжелые болты пробивали кожаный доспех, как пергамент. Рассматривая сквозь слезы тела тех, кто еще утром сражался рядом с ней, Лейла наконец набрела на труп самого молодого из банды.

Этот юноша примкнул к ним несколько месяцев назад. Старики часто подшучивали над ним, потешаясь над его наивностью и деревенской обстоятельностью, но он ей нравился. Теперь ему предстояло послужить ей в последний раз.

Арбалетный болт пробил ему правую руку, пригвоздив ее к голове. Удар был так силен, что наконечник расколол череп, как гнилую тыкву.

Прошептав короткую молитву, Лейла взмахнула палашом, и голова парня откатилась в сторону. Осторожно, стараясь не запачкаться в крови, она сунула ее в мешок и вскочила на коня. Но не успела она разобрать поводья, как на плечи ей упала петля аркана.

– Не так быстро, подружка, – проговорил один из десятников. Другой натянул волосяную веревку.

– Что еще надо? – резко спросила Лейла.

– А кто будет хоронить твоих дружков? Мы? Ошибаешься. Ты их сюда привела, ты и похоронишь, – жестко закончил он, и Лейла почувствовала, как петля выдергивает ее из седла.

Ударившись о землю, она непроизвольно вскрикнула. Сморгнув набежавшие от боли слезы, она увидела направленные ей в грудь арбалетные болты. В сухую землю вонзились лопата и заступ. Только теперь она поняла, что они не выпустят ее, пока не добьются своего.

Петля аркана ослабла и Лейла повела плечами, освобождая руки. С трудом поднявшись на ноги, она взяла инструменты и вопросительно посмотрела на десятника.

– Вон туда, за холм. Нечего у самого дома погост устраивать, – кивком головы он указал ей направление, и девушка нехотя поплелась в указанную сторону.

Вся троица охранников двинулась следом. Уже взойдя на холм, Лейла невольно оглянулась, высматривая виновника всех своих бед, но его уже не было. Только из ворот медленно выкатилась телега, и четверо ветеранов принялись складывать на нее трупы.

Два дня ушло у нее на то, чтобы выкопать одну могилу на всех. Руки девушки, прижавшие к мечу, покрылись кровавыми мозолями и сильно саднили, но она не позволяла себе расслабиться. Она должна была освободить сестру. Любой ценой. Сатрап обещал не трогать девочку, пока она не вернется, но отведенное ей время подходило к концу.

Наконец, засыпав эту братскую могилу, Лейла отбросила лопату, и устало выпрямила спину. С последним комком земли, упавшим на этот скорбный вал, в ней самой что-то умерло. Она не знала, что именно, но знала только одно, больше в ее жизни не будет вольной степи и отчаянных друзей. Вместе с теми, кого она похоронила, умерла и ее воля.

Ветераны отдали ей коня и, развернувшись, не спеша направились к крепости. Введенные арбалеты лежали на плечах, словно ожидая, что она кинется в атаку. Такая мысль не раз посещала ее, но она умела правильно оценивать свои силы. Кроме того, сейчас ей было не до мести. Всему свое время.

Запрыгнув в седло, она дала шпоры коню и понеслась обратно в Кортес. В запасе у нее было четыре дня и все, что ей оставалось, это молить богов о ниспослании ее коню сил и ровной дороги.

Спустя три дня стражники восточных ворот с удивлением пропустили в город измученную всадницу верхом на шатающемся от усталости коне. Предъявив им подорожную с печатью самого сатрапа, она тряхнула поводьями и направилась в сторону дворца.

Лейлу провели во внутренний двор и оставили одну, дожидаться, когда сатрап соизволит дать ей аудиенцию. Измученная усталостью и долгой дорогой, Лейла опустилась на каменную скамью и незаметно для себя уснула.

В чувство ее привел сильный удар кованого сапога. Вскрикнув от боли и неожиданности, она проснулась, первым делом хватаясь за меч. Но ножны оказались пусты. Палаш успели вытащить раньше.

Еще один удар пришелся в челюсть, и девушка рухнула как подкошенная. Ей быстро связали руки и поставили на колени. С трудом сфокусировав взгляд, она увидела сатрапа, сидящего в кресле. Один из наемников вытряхнул мешок и, подняв за волосы голову, повернул ее лицом к сатрапу.

– Это не он, – разочарованно проговорил венценосный пьяница, брезгливо отведя взгляд.

– Где моя сестра? – прохрипела Лейла в ответ.

– О ком она говорит? – деланно удивился сатрап.

– О той малышке, что смогла доставить вам удовольствие, господин, – подобострастно изогнулся один из евнухов.

– Старый ублюдок! Если ты коснулся ее, я тебя уничтожу! Где она?! – забилась Лейла в жесткой хватке наемника.

– Приведите ее. – Усмехнулся сатрап. Евнух поклонился и быстро засеменил к дверям. Через несколько минут он вернулся, ведя за руку девушку, закутанную в газ по самые глаза. Лейла впиалась взглядом в эту фигуру, но рассмотреть, кто это, было просто невозможно.

– Откройте ей лицо. Я должна знать, что это она, – потребовала воительница, и сатрап кивнул, усмехаясь и явно развлекаясь. Евнух отбросил покрывало и Лейла застонала. Это была ее сестра, но что с ней сделали, она не поняла. На юном лице блуждала странная улыбка. Она словно не понимала, что происходит.

– Что ты с ней сделал!? – выкрикнула Лейла, пытаясь добраться до сатрапа.

Державшему ее наемнику надоели эти дикие прыжки, и он резко ударил девушку кулаком под лопатку. Лейла упала на колени, на время потеряв возможность резко двигаться. Удар выбил воздух из легких.

– Пыльца черного лотоса иногда дает очень интересные результаты, – посмеиваясь, произнес сатрап. – Она вдохнула его только второй раз, но уже готова к самым смелым развлечениям. В первый раз она была несколько скованна, зато теперь, мы испробуем самые разные способы любви.

Медленно поднявшись, сатрап направился во дворец, сделав евнухам знак привести девушку.

– А что делать с этой, господин? – окликнул его один из наемников. Сатрап обернулся и, небрежно пожав плечами, ответил:

– Если хотите, пропустите через казармы. Но потом посадите на кол.

Наемники молча переглянулись, затем старший угрюмо ответил:

– Она не нужна нам. И, кроме того, мы не палачи.

– Вот как? – издевательски произнес сатрап. – Что ж, у меня есть настоящие палачи, они не откажутся немножко развлечься, – зло оскалился он и дал знак слугам.

Через минуту во дворе появилась троица заплочных дел мастеров. Двое младших ловко скрутили девушку и, не оглядываясь, поволокли ее в сторону зиндана. Старший молча поклонился и, бросив косой взгляд на наемников, двинулся следом за подручными.

Наемники переглянулись и, развернувшись, молча вернулись в казармы. Весь вечер десятник Ваган ходил сам не свой. Отказавшись от вина и костей, он уединился в углу и долго что-то доказывал сам себе. За этим спором и застал его сотник, пришедший в казарму проверить своих людей.

– В чем дело, старина? Что ты задумал? – спросил сотник, усаживаясь на свободный табурет.

– Ничего, командир, – угрюмо ответил десятник, не поднимая глаз.

– Брось. Я слишком давно тебя знаю. Раз ты начал спор с самим собой, значит, жди каких-то неприятностей, – усмехнулся сотник, не сводя взгляда с десятника.

– Ответь, командир. Ты помнишь ту историю с отставным капитаном, которого сатрап приказал казнить?

– Еще бы! Мы тогда потеряли лучших людей. Обидно, что нашими руками он погубил такого солдата.

– У капитана был сын. Приемьш. В тот день ему удалось бежать.

– Это я помню, но какое отношение этот бастард имеет к нам теперь?

– Сегодня, сатрап приказал посадить на кол девушку, почти девчонку. Ее сестру он взял в гарем и сделал поклонницей порошка лотоса.

– И что? – недоуменно пожал плечами сотник: – Нам-то что до этого. Пусть старый пьянчуга сам разбирается со своими шлюхами.

– Эту девушку он отправил убить бастарда. Но у нее ничего не вышло. Это и не удивительно, он мастер.

– Ты-то откуда знаешь?

– Я видел. Когда мы ловили в степи бандитов, мой десяток наткнулся на дом, точнее, небольшую крепость. Там он и живет. Помнишь, того молодого кретина, что так и не вернулся из разведки?

- Да.
- Парню потребовалось только два удара, чтобы покончить с ним.
- И ты молчал?!
- Я дал клятву крови. Мои люди тоже. Только так я мог спасти их. Этот демон не знает жалости и ненавидит нас. Хотя я его не виню.
- Это все интересно, но я так и не понял, что ты задумал?
- Уйти.
- Куда?
- Пока не знаю, но служить такому нанимателю означает позорить свой клинок. Я пессимист, но не подонок. Не хочу! – почти выкрикнул последнюю фразу Ваган, грохнув кулаком по столу.
- Не горячись, – попытался остудить его сотник, но десятника понесло. Обложив командира так, что все в казарме замерли и восторженно прислушались, он подскочил к своей койке и, быстро увязав в узел немногочисленные пожитки, широким шагом вышел на конюшню. Оседлать и вывести коня было делом нескольких минут. Очень скоро высокий чалый жеребец уносил бывшего десятника в степь, подальше от подлости дворцовых интриг.

* * *

В тот день Ал-Тор с самого утра не находил себе места. Все вроде бы было, как всегда, но чувство тревоги не покидало молодого воина, с каждым часом становясь все сильнее.

Наконец, устав от этой маелы, он приказал седлать коня и, с трудом дождавшись, когда его выведут, вскочил в седло, не коснувшись стремени. Вороной, которому словно передалось настроение хозяина, взял с места в карьер. Не дожидаясь, когда мост полностью опустится, жеребец просто перемахнул оставшееся расстояние и понесся в степь.

Отпустив поводья, Ал-Тор дал полную свободу коню, предоставив ему самому выбирать дорогу. Взлетев на очередной холм, конь резко остановился и вскинулся на дыбы. В трех полетах стрелы, между холмами, медленно двигался большой отряд.

Присмотревшись, юноша решил, что это карательный отряд, посланный сатрапом Кортеза за его головой. Чуть усмехнувшись, он разобрал поводья и сжал колени, заставив жеребца стоять смирно. Обиженно всхрапнув, вороной замер. Ему, как и хозяину, не терпелось кинуться в драку.

Стоящего на холме воина увидели и от двигавшейся по дороге сотни отделились три всадника, галопом направившиеся к воину. Не доезжая нескольких шагов, кавалеристы осадили коней и на Ал-Тора уставились три пары растерянных глаз. Сотник наемников и двое его десятников не могли поверить в свою удачу. Человек, которого они пустились искать, опираясь только на слухи и домыслы, стоял перед ними живьем, из плоти и крови.

Первым опомнился десятник Ваган. Тряхнув поводьями, он подъехал вплотную к замершему, как каменное изваяние, воину и, склонив голову в знак почтения, заговорил:

– Мастер, позволь представить тебе моего командира, сотника Деметриса.

Ал-Тор медленно оглядел фигуру замершего перед ним всадника. От этого взгляда по спине сотника пробежали мурашки, отчего он непроизвольно поежился. Весь вид сотника выдавал опытного кавалериста, много лет проведенного в седле, но даже жизнь в казармах, среди грубых, а подчас и жестоких наемников не смогла стереть лоск благородных манер, привитых ему с самого детства.

Сотник держался в седле с той непринужденностью, которая давалась только годами бесконечных походов. Его изящная, чуть небрежная посадка дополнялась добротным и когда-то явно дорогим нарядом. Темно-синий колет, застегнутый позолоченными пуговицами, выгодно подчеркивал стройную, гибкую фигуру всадника. Пышные рукава, в разрезах которых про-

свечивали шелковые белые вставки, скрывали мускулатуру сотника, но жилистые, загорелые запястья и покрытые мозолями ладони ясно говорили, что их обладатель не понаслышке знает, с какой стороны берутся за меч и что такое солдатская служба.

Кожаные лосины плотно облегали сильные бедра, а на ногах были высокие кавалерийские сапоги. Внимание Ал-Тора привлекли шпоры сотника. Длинные стержни из чистого серебра заканчивались острыми, как иглы, серебряными же звездочками. Такие приспособления могли не только заставить двигаться самое упрямое животное, но и сильно ранить его. Сам Ал-Тор предпочитал пользоваться плетью и мундштуками. Наряд сотника довершала роскошная кожаная перевязь, покрытая тисненым узором трилистника.

– Не могу сказать, что я рад этому знакомству, десятник. Ваша сотня задолжала мне и моим людям очень много. Но сейчас разговор не об этом. Главное, что мне хотелось бы знать, зачем вы здесь? Неужели жадность оказалась настолько сильной, что ты решился преступить свою клятву, десятник? – медленно проговорил Ал-Тор, не сводя взгляда с сотника.

– Нет, мастер. – Посуровел лицом Ваган. – Я решил уйти из отряда. Собрал вещи и, сев на коня, уже выехал из города, когда услышал, что меня догоняют. Это был сотник. Мы долго спорили и мне удалось убедить его, что сатрап поступает все хуже и хуже. Его поступки перестали быть поступками человека, заботящегося о своих подданных. Так поступают люди, уверовавшие в свою безнаказанность и утопившие в вине последние остатки разума.

– Возможно. Но какое вам до этого дело? Вам платят, а для наемника, это самое главное.

– С этим трудно спорить, – вступил в разговор сотник, подъехавший ближе, – но у любого солдата, даже наемника, есть чувство гордости за свое дело. Я собрал свой отряд не для того, чтобы прослыть бандой безжалостных убийц без совести и чести. Да, наемники сражаются за деньги, продают свои мечи тому, кто готов их купить, но мы сражаемся в войнах, там, где есть прямой противник, а не простые крестьяне, вся вина которых заключается только в недороде и падеже скота. Мне не нравится, когда меня и моих парней втягивают в дворцовые интриги. Последней каплей стало то, что сатрап решил использовать моих солдат в качестве палачей. Неделию назад во внутреннем саду схватили какую-то девчонку, и он приказал посадить ее на кол, предварительно пропустив через казармы, но мои парни отказались. Тогда он отдал ее палачам. Ваган после этого просто взбесился. Когда он умчался в пустыню, даже не потребовав своих денег, я понял, что могу потерять весь свой отряд. Я собрал парней и объявил, что увожу сотню из Кортеса. Кто не согласен, волен остаться. Таких набралось около дюжины. Остальные решили идти со мной.

– И что вы намерены делать дальше?

– Отправимся на восток. Я слышал, что на границах империи снова неспокойно.

– Но восток в другой стороне! Вы здорово отклонились от своего маршрута. Как вы объясните это? – жестко спросил Ал-Тор, наклонившись к сотнику.

Десятник Ваган растерянно оглянулся на своего командира. Усмехнувшись, сотник развел руками и, покачав головой, ответил:

– Никогда не был силен в интригах. Что поделать? Одному – лисья хитрость, другому – львиная храбрость, а третьему – орлиная гордость...

– А что вам, сотник? Шакалья подлость? – презрительно спросил воин, потянувшись за оружием. Но ему не дали взяться за меч. Пока сотник заговаривал воину зубы, сотня подтянулась к холму и наемники окружили говоривших. Один из наемников, встав за спиной Ал-Тора, незаметно приготовил пращу и, увидев движение воина, ударил его по голове ремнем с заложенным в него камнем.

Юноша рухнул под копыта коня, не издав ни звука. Вороной жеребец дико захрапел и, вскинувшись на дыбы, опустил кованное копыто на голову одного из солдат. Дрессированное животное устроило над телом своего хозяина настоящую пляску смерти. Боевой жеребец

кусался, бил копытами и лягался как бешеный до тех пор, пока сотник, окончательно озверев от злости, не разрядил в него арбалет.

Стальной болт пробил коню грудь, вонзившись в сердце благородного животного по самое оперение. Изогнув могучую шею, жеребец зубами ухватил болт, словно пытаясь вытянуть его, но это было последнее движение уже мертвого коня. Стройные, сильные ноги подогнулись, и жеребец рухнул в сухую траву, издав жалобное ржание.

Десятник Ваган, которого просто оттерли в прошедшей схватке в сторону, растерянно переводил взгляд с лежащего на земле Ал-Тора на своего командира, пытаясь осознать произошедшее. Наконец, что-то решив, он рванул поводья и, подлетев к сотнику, заорал в полный голос:

– Что все это значит, командир?! Что происходит?

– Ты хочешь знать, что происходит, Ваган? Я отвечу тебе, хотя ты мог бы и сам догадаться. Но ты всегда отличался тупостью и упрямством. За голову этого парня назначена такая награда, что любой, кто притащит его в Кортес мертвым, будет жить безбедно до самой старости, а за живого награда в два раза больше. Ты был достаточно глуп, чтобы ничего не заподозрить и привести нас к его логову.

– Я дал слово. Кровную клятву! Как вы можете так поступать со мной, со всеми нами? Я столько лет провел рядом с вами, считал вас своим другом, я верил вам!

– И что? Поэтому ты решил, что я откажусь от возможности заработать хорошие деньги и обеспечить себе безбедную старость? По-твоему, я должен всю жизнь мотаться по дорогам, жить в казармах и общаться с такими дуболомами, как ты? Я! Человек, рожденный в благородной семье, должен всю жизнь скитаться, только потому, что какому-то вонючему десятнику вздумалось дать кровавую клятву, принятую у наемников?! – проревел багровый от злости сотник и, выхватив палаш, поднял коня на дыбы.

Отточенный до бритвенной остроты палаш описал длинную дугу и опустил на голову десятника. Бедолага до самого конца не мог поверить в подобное предательство командира, которого он знал много лет. Он так и остался сидеть в седле, даже не предпринимая попытки защититься. Используя силу инерции коня, сотник нанес удар, разрубивший десятника от плеча до пояса.

Солдату из десятка Вагана, который попытался что-то возразить, сотник располосовал горло от уха до уха. Затем, развернувшись к сотне, Деметрис вскинул палаш и, обведя солдат полубезумным взглядом, грозно спросил:

– Ну, кто еще хочет оспорить мои приказы?

Наемники, натываясь на дикий взгляд своего командира, шарахались в сторону, украдкой делая пальцами охранные знаки. Ни один из оставшихся в живых солдат не рискнул возразить, хотя многие отводили взгляд и отъезжали подальше, чтобы избежать участия в этом грязном деле. Вскоре рядом с сотником осталось не больше дюжины самых преданных наемников.

– Свяжите ублюдка, пока не очнулся, – рявкнул сотник оставшимся прихвостням.

Спрыгнув с коней, наемники быстро скрутили запястья лежавшего в беспамятстве воина за спиной и вздернули его на ноги. Голова пленника безвольно мотнулась из стороны в сторону, и длинный конский хвост волос откинулся за плечо, обнажив шею. На плечо воина ручьем стекала кровь из пробитой головы.

– Ты случайно не перестарался, Живоглот? Не зашиб подонка? – озабоченно спросил один из держащих пленника наемников.

– Не. Шарахнул в самую тютельку. Плесните ему воды в морду, сразу очухается, – шмелем прогудел здоровенный, звероподобный наемник, имя которого толком никто не знал. Среди наемников он давно уже был известен как Живоглот, за звериную ярость, огромную силу и любовь к людским страданиям.

Плоский, несколько раз переломанный нос, близко посаженные к переносице, скрытые под тяжелыми надбровными дугами глаза, неопределенного, серо-болотного цвета. Щербатый рот и изуродованный шрамом квадратный подбородок. Вдобавок к этому огромный рост, широченные, как у быка, плечи, и почти полное отсутствие мозгов.

Единственный человек, которого Живоглот по-настоящему боялся и уважал, был сотник Деметрис. На чем основывалось такое поклонение, не знал никто, но любой приказ сотника Живоглота выполнял с удивительным рвением.

Прислушавшись к дельному совету, один из наемников достал из переметной сумы кожаное ведро, предназначенное для поения лошадей на привале, и, зачерпнув из ближайшей лужи, с размаху выплеснул грязную воду в лицо пленнику.

Тихо застонав, юноша поднял голову и обвел наемников мутным, рассеянным взглядом. С трудом сфокусировав взгляд на сотнике, Ал-Тор разлепил окровавленные губы и хрипло спросил:

– Это и есть ваше исполнение слова, сотник? Похоже, кровавая клятва наемника стоит не больше навозной кучи. Что ж, чему удивляться? Недаром говорят, что в жилах наемника дерьмо вместо крови.

– Заткнись, мразь! – взревел один из державших его сотников, с размаху ударив юношу по лицу. Латная рукавица рассекла скулу и разбила рот.

Сплюнув кровь, Ал-Тор презрительно усмехнулся и спросил:

– Что, легко быть смелым против беззащитного? Развяжи мне руки, и я вышибу тебе последние мозги, даже не обнажая меча. Жалко пачкать благородный клинок той пакостью, что течет в ваших жилах. Ну что? Рискнешь? – бросил Ал-Тор десятнику.

Это был откровенный вызов, не ответить на который было равносильно признанию собственной трусости.

Десятник потянул из ножен кинжал, когда над холмом раздался рев взбешенного слона.

– Не смей! Ты с ума сошел, десятник?! Я слишком много сил потратил на то, чтобы поймать его живьем, – проорал взбешенный сотник, размахивая палашиком. – А кроме того, он и вправду может выбить из тебя все дерьмо голыми руками, – рассмеялся он, жестом указывая Живоглота забрать пленника.

– Он бросил мне вызов, сотник, – угрюмо проговорил десятник, с силой вбивая кинжал в ножны.

– Конечно. Он и рассчитывал на то, что ты его примешь.

– Но нас здесь сотня, а он один, – продолжал упорствовать оскорбленный.

– Этот один стоит больше любого из вас. Спроси людей из десятка Вагана, они должны помнить, что он устроил на арене шесть лет назад, – ответил Деметрис и продолжил, обращаясь к юноше: – Твои обвинения в клятвопреступлении беспочвенны, бастард. Ваган не выдал твоей тайны. Но он и не обещал, что не поедет сюда. Мы просто сопровождали его в этом путешествии. Он был слишком доверчив.

– Был?

– Был. Оглянись, и увидишь все сам. Он не преступал клятвы. – Жестко усмехнулся Деметрис и, тряхнув поводьями, направился к собравшейся у подножия холма сотне.

Ал-Тор медленно оглянулся и увидел, как четверо наемников на плащах уносили тело десятника Вагана. Все четверо были из его десятка и теперь с грустью отдавали последнюю дань погибшему командиру. Остальные парни из десятка уже рыли могилу.

Грустно кивнув головой, Ал-Тор негромко произнес, медленно оглядев стоящих рядом наемников:

– Приятно знать, что хоть один из вас оказался человеком чести, умеющим держать слово.

– Ты бредишь? Какая честь может быть у обычного пса войны? – удивленно прогудел Живоглот, державший юношу за связанные руки. – Честь, это для благородных, а он такой же, как мы, без рода, без племени...

– Дурак, – презрительно бросил Ал-Тор через плечо. – Честь принадлежит любому человеку от рождения. Вопрос только в том, что с ней сделает сам человек потом, в течение всей своей жизни.

– Хочешь сказать, что эта самая честь была даже у меня? – рявкнул Живоглот, разворачивая юношу лицом к себе, как тряпичную куклу. От сильного движения голова воина резко мотнулась, и он не смог сдержать стона.

Сцепив зубы, он переждал приступ боли и, помедлив, ответил, стараясь говорить так, чтобы дошло даже до этого толстокожего животного.

– Да. Она была даже у тебя. Возможно, когда-то тебя бесило несправедливое отношение людей к тебе и твоим близким. Может быть, ты даже пытался защищать их, бороться с этим. Возможно. Я не знаю твоей прошлой жизни, и мне не дано знать твоей дальнейшей судьбы, но я знаю только одно: однажды наступает день, когда человек просто вспоминает всю прожитую жизнь и понимает, что очень многое он сделал бы по-другому, будь у него такая возможность. Но боги дают человеку только одну жизнь, и изменить в ней что-то сделанное невозможно.

Живоглот попытался понять услышанное, делая титанические усилия и обильно потея от этого непривычного процесса. Наконец, сообразив, что все это сказано про него, гигант просто отшвырнул от себя юношу и, злобно отряхивая руки, проворчал:

– Не знаю, какой болтун рассказал тебе про мою жизнь, но клянусь бедрами Деркетто, если узнаю, вырву поганцу язык.

– Мне никто не рассказывал о тебе. Я же сказал, что это возможно, – ответил Ал-Тор, с трудом удержавшись на ногах после мощного толчка.

– Значит, ты еще и колдун?! – прорычал в ответ Живоглот, сжимая огромные кулаки.

– Спаси нас боги от безмозглой скотины, – проворчал один из десятников вполголоса. Но слух Живоглота оказался не в пример острее ума.

– О чем это ты? – моментально развернулся он к говорившему.

– Что? – не растерялся десятник, сделав вид, что не понимает, о чем речь. – А, это мы о своем, занимайся пленником, – ответил он, отворачиваясь.

Живоглот замер, подозрительно рассматривая соратников и словно пытаясь разгадать подвох. Потом, убедившись, что на него не обращают внимания, снова повернулся к пленнику. Но не успел сделать и двух шагов, как послышался окрик сотника:

– Живоглот, тащи сюда ублюдка. Нам пора выступать.

Вскинувшись, как хорошо выдрессированный охотничий пес, Живоглот радостно оскалился и кинулся к пленнику. Трудно было ожидать подобного проворства от такой туши. Не желая терять времени, Живоглот просто вскинул юношу на плечо и, пыхтя, как гиппопотам, понесся к подножию холма.

Наемники с проклятиями отвели в стороны коней, когда он пролетел сквозь походный строй сотни. С трудом остановив свой разбег, Живоглот подошел к сотнику и, сбросив с плеча пленника, огляделся.

– Ты что-то потерял, малыш? – усмехнулся Деметрис.

– Своего коня, командир.

– Эй, вы! Где тот монстр, которого малыш приспособил для езды? – заорал сотник, и из задних рядов наемники выгнали боснийского тяжеловоза. Огромное животное было под стать своему хозяину, с той разницей, что было намного добрее и покладистее него. Только такой конь мог нести огромный вес Живоглота. Неторопливость коня с лихвой компенсировалась его выносливостью и огромной силой. Рысью тяжеловоз мог идти сутками.

Только это мирило сотника с его медлительностью. Ведь всегда можно было оставить Живоглота в арьергарде, прикрывать отступление. Ну а если не успел за отрядом, винить некого, Живоглот сам выбрал себе такого скакуна.

Усевшись верхом, Живоглот развернул коня и молча направился в конец колонны, когда сотник снова окликнул его:

– Малыш, а ты ничего не забыл?

Живоглот растерянно огляделся, пытаясь понять, что сделал не так. Он давно уже не обольщался насчет отношения к нему соратников, но насмешки сотника больно ранили его. Это чувство было сродни чувству преданного пса, которого пнул пьяный хозяин. Обида и непонимание, за что.

– Я поручил тебе нашего гостя, а ты бросил его как ненужную тряпку. Этот ублюдок стоит столько, что тебе и не снилось. С этого момента ты отвечаешь за него головой, до тех пор, пока мы не прибудем в Кортес. И молись, если умеешь, чтобы ни один волос не упал с его драгоценной головы. Учти, если с ним что-нибудь случится, я прикажу спустить с тебя шкуру. С живого. Ты понял, тупая скотина?

– Да, сотник, – прохрипел Живоглот странно осипшим голосом. Пнув каблуками ни в чем неповинное животное, он подъехал к Ал-Тору и, ухватив его за плечо, просто закинул на круп, позади себя. Деметрис отдал команду, и сотня на рысях двинулась в сторону Кортеса.

* * *

Ветераны в доме Ал-Тора уже второй день не могли прийти к единому мнению. Уже два дня их хозяин, командир и владелец не возвращался. Это послужило причиной огромного количества споров и ругани.

Одни порывались немедленно мчаться по его следам, другие требовали оставить его в покое, утверждая, и вполне справедливо, что такой воин, как он, в состоянии за себя постоять. В общем, было много крика, шума и бряцания оружием, пока конец этому безобразию не положил не кто иной, как кузнец, грохнув своим герданом по столу и разнеся его в щепки.

Дело происходило в общей комнате казармы, и длинный дубовый стол был местом сбора всех ветеранов, служивших под началом капитана Расула. Устыдившись причиненных разрушений, Разман неловко затоптался и хотел было уйти, но ветераны остановили его, потребовав объяснений. Собравшись с мыслями, Разман заговорил:

– Я, конечно, не служил с Расулом, как вы, и приехали мы сюда только на днях, но, по моему, парня надо искать. Если он в беде, то мы просто время теряем, а если с девчонкой на сене валяется, то просто объясним, что беспокоились. Он умный парень, поймет.

Решение было принято. Через два часа три десятка ветеранов с полной выкладкой и оружием вынеслись со двора, возглавляемые охотничьей собакой, взявшей след Ал-Торова жеребца. Всадники шли рысью, держа в руках взведенные арбалеты. Правильно пригнанная амуниция не бряцала и не мешала движениям. Над степью раздавался только топот копыт и тихое азартное повизгивание пса.

Эта собака принадлежала одному из солдат, вырастившему из щенка отличную ищейку. Именно этим он и занимался на службе в гвардии, разыскивая в помещениях дворца злоумышленников с помощью специально натасканных собак.

Спустя еще три часа отряд выехал на холм и резко осадил коней. В ту же минуту послышались крики и дикая ругань. Ветераны узнали любимого жеребца Ал-Тора.

Это был боевой конь, прошедший полную выучку и ставший настоящим бойцом. Ал-Тор выбрал себе жеребенка именно из-за боевого характера. Этот задира еще юнцом бросался в драку на жеребцов в два раза больше себя. Вместе они составляли грозную пару.

Ветераны спешили и начали методично осматривать холм. Очень скоро они нашли свежую могилу и не мудрствуя лукаво вскрыли ее. Из груди тридцати человек вырвался дружный вздох облегчения, когда, развернув грубую мешковину, они увидели тело незнакомого солдата.

Постепенно ветераны восстановили почти всю картину произошедшего. Непонятным оставалось только одно. Куда пропал их командир. Десятники опять принялись спорить, когда на холме появилось новое действующее лицо. Солдаты моментально перегруппировались и взялись за оружие, когда у подножия холма раздался топот копыт, но их настороженность моментально сменилась хохотом, когда они увидели, кто к ним присоединился.

Это был кузнец Разман, верхом на огромном боснийском тяжеловозе, с неизменным герданом на плече. Шипастая палица уютно покоилась на плече хозяина. Со стороны казалось, что у кузнеца выросла вторая голова, хотя ширины плеч вполне хватило бы и на три. Остановив коня, Разман спешился и, смущенно почесав в затылке, пробасил:

– Мы тут с женой подумали... В общем, я решил, что мне нужно быть с вами, а то мало ли чего...

– Ты, похоже, решил, что без твоего гердана нам не обойтись, а, устоз? Или, по-твоему, тридцати воинов мало, чтобы стащить мастера с чужого сеновала?

– Судя по тому, что я вижу, дело не в сеновале. Хотя, клянусь вечным огнем, я был бы рад ошибиться, – проговорил кузнец, внимательно осматривая тушу коня.

– С чего ты это взял? – спросил один из ветеранов, разом став серьезным.

– Это его конь. Жеребца убили с близкого расстояния, болт почти полностью в теле, но схватки не было.

– Как ты это определил? – спросил один из следопытов.

– На жеребце нет пены и сбруи нет. Ее сняли уже с мертвого коня. Вот здесь он начал беситься, но очень недолго. Видите, парные следы копыт и кровь. Похоже, кому-то здорово досталось копытом. А вот здесь упал мастер. Упал с коня. Вот. – С этим возгласом кузнец выдернул из травы метательную звездочку и протянул ее следопытам. Внимательно осмотрев находку, они дружно пришли к единодушному решению. Оружие его. Переглянувшись, один из ветеранов медленно заговорил:

– Мы нашли могилу. Труп один, но удар нанесен не мастером. Рана не похожа на те, что наносят длинным мечом.

– Покажите, – тут же потребовал кузнец. Кивнув, ветераны повели его к подножию холма. Внимательно осмотрев рану, Разман выпрямился и вышел из ямы.

– Засыпайте, – махнул он рукой солдатам. Затем, помолчав, сказал: – Это не мой меч. Такие раны наносят однолезвийным клинком. Удар моего меча, нанесенный с такой силой, просто развалил бы его надвое, а здесь клинок остановился, не доходя до середины живота. Сабля, палаш, что-то такое, чем пользуются кавалеристы. Легкий клинок.

– Откуда ты столько знаешь о ранах? – удивленно спросил один из следопытов. – Такое впечатление, что это ты, а не мы всю жизнь прослужили в гвардии.

– Я кузнец. Оружейник. И об оружии я должен знать все, что только может знать человек. Без этого нельзя быть настоящим мастером. Любой устоз легко отличит рану от своего клинка, от раны, нанесенной чужим оружием.

– Но как это возможно? – пораженно спросил следопыт.

– Я сам кую оружие и знаю любую неровность на моих клинках. Знаю, какой след должен оставить тот или иной огрех. Именно поэтому каждый клинок, выкованный на заказ, оставляет свой собственный след. А по поводу того, что я читаю старые следы, это просто. Меня отец учил видеть все неправильное на обычной земле. Он был охотником. Звероловом. Ловил животных для царских зверинцев. Ему очень хотелось, чтобы я продолжил его дело, но меня всегда тянуло к железу. Потом меня заметил мастер-оружейник, и я стал кузнецом. Ладно, – махнув рукой, оборвал он сам себя, – хватит воспоминаний, пора решать, что делать дальше.

– А что тут решать? Едем дальше, по следам. Слава богам, их хорошо видно. Догоним, а дальше – как боги решат.

– Судя по следам, там полная сотня, а нас всего тридцать.

– И что? Поэтому можно бросить мастера на произвол судьбы? Ведь даже слепому ясно, что его потащили в Кортес, а там быстро найдется веревка и палач!..

– Не горячись, – оборвал говорившего один из ветеранов, – о том, чтобы бросить мастера, и речи нет. Я предлагаю отправить домой гонца. Пусть расскажет всем, что случилось, а они уже сами решат, кому остаться охранять дом, а кому ехать. Подкрепление нам все равно нужно. Их слишком много.

Ветераны переглянулись и согласно закивали головами. План был разумным, и его приняли без долгих проволочек. Вскоре гонец, снабженный всеми необходимыми инструкциями, уже мчался обратно к дому, а все оставшиеся дружно вскочили в седла и понеслись по следам ушедшего отряда.

После того как следопыты определили направление движения нападавших, отряд уже ничего не сдерживало, и они могли вести преследование, не особо присматриваясь к следам. Единственным, кто задерживал их, был кузнец. Его тяжеловоз не мог тягаться в скорости с кавалерийскими лошадьми, и отряду приходилось постоянно сдерживать бег своих коней.

В ответ на ворчание ветеранов кузнец резонно отвечал, что никакая другая лошадь не может вынести его вес, и если бы не тяжеловоз, ему давно пришлось бы топтать пешком. В ответ на предложение отправиться обратно, кузнец ответил такой тирадой, что даже выдавшие виды ветераны раскрыли от удивления рты. Так далеко их еще не посылали.

Но в этой неторопливости были и положительные стороны. Приноравливаясь к тяжелой рыси огромного коня, отряд не выматывал своих лошадей, что позволяло максимально сократить время на привалы. Уже на второй день погони, выехав на холм, преследователи увидели сотню наемников, не спеша пыливших по караванной тропе.

Наемники были так уверены в своей безнаказанности, что даже не выставили охранение. Сотня в полном составе шла походной колонной, почти не обращая внимания на то, что происходит вокруг.

Это позволило ветеранам приблизиться к сотне почти вплотную и спокойно рассмотреть состав колонны. Радостный вздох облегчения вызвала весть, что их мастер жив и почти здоров. Его вез за спиной огромный, звероподобный наемник. Руки юноши были связаны за спиной, а широкий кожаный ремень не позволял ему соскользнуть с крупа тяжеловоза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.